

ПАТРИЦИЯ МЭТЬЮЗ

Трєкрасная мука любви

ШАРМ

Шарм (АСТ)

Патриция Мэтьюз

Прекрасная мука любви

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Мэтьюз П.

Прекрасная мука любви / П. Мэтьюз — «Издательство АСТ»,
2020 — (Шарм (АСТ))

ISBN 978-5-17-153223-9

Ребекка Хокинс была прекрасна и горда. Она хотела добиться успеха в жизни любой ценой, пусть даже эта цена — опасная профессия авантюристки и нелегкое знание всех тонкостей игры на скачках... Ребекка внезапно оказалась бесценным призом в отчаянном состязании двух мужчин, однако сердце ее было отдано третьему — циничному обаятельному джентльмену, который в совершенстве постиг искусство покорять самых независимых женщин... Все средства хороши в любви, на войне и — на скачках. Но что же делать, если война за победу на скачках становится однажды прекрасной мукой любви!..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-153223-9

© Мэтьюз П., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Патриция Мэтьюз

Прекрасная мука любви

Patricia Matthews
Love's Sweet Agony

© Robert Thixton, 2020

© Перевод. М. В. Кузина, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

* * *

Глава 1

Высоко в небе повисло бледное мартовское солнце. Холодный ветер, злобно завывая, так и норовил сорвать со зрителей одежду. Но даже такой неприветливый, промозглый день, типичный для весны штата Иллинойс, не мог испортить настроения людям, стоявшим вдоль ограждения скаковой дорожки. Громкими криками подбадривали они своих фаворитов. На румяных от холода лицах читались напряженное ожидание и нетерпение.

Несколько счастливиц наблюдали за состязаниями, удобно расположившись в легких двухместных колясках, а молодые парни и мальчишки – с крыш конюшен, находившихся неподалеку. У зрителей было приподнятое настроение. А как же иначе? Ведь наступило ярмарочное время – один из тех редких периодов, когда рабочий люд, фермеры, лавочники и их близкие могли хоть немного отдохнуть от каждодневного тяжелого труда. А какая же ярмарка без состязаний двуколок? Вот и сегодня собравшиеся могли вволю насладиться одним из своих самых любимых видов соревнований.

По укатанной скаковой дорожке мчались одноместные двуколки, сопровождаемые клубами пыли. Копыта девяти иноходцев двигались дружно, в безукоризненном ритме, как ноги солдат на плацу. Лошади шли ноздря в ноздю.

Наконец одна из них, запряженная в двуколку, которой правил наездник в красном камзоле, вырвалась вперед и начала приближаться к финишу.

У финишной прямой стоял Генри Хокинс, невысокий крепкий мужчина шестидесяти трех лет, обладавший вспыльчивым характером и необузданной энергией, и внимательно следил за состязаниями. Его кустистые седые брови то сходились на переносице, то становились домиком, густые волосы блестели на солнце, не выцветшие с годами ярко-голубые глаза скрывал полевой бинокль. Однако ничто не могло скрыть радости, в один прекрасный момент с ног до головы захлестнувшей Хокинса. Стоило лишь взглянуть на его решительное лицо, как все становилось ясно.

– Давай, Пэдди Бой! Давай! Жми! – кричал Хокинс. – Покажи им всем, на что ты способен!

Пэдди Бой мчался по дорожке таким грациозным аллюром, что его корпус словно парил над землей. Гордо вскинув голову, словно почуяв победу, неся он стрелой к финишу, таща за собой маленькую двуколку, между стремительно мелькавших колес которой притулился наездник.

– Черт подери! Он выиграл! – закричал Генри Хокинс и запрыгал от восторга, как мальчишка. Но ему тотчас же пришлось пожалеть о слишком бурном выражении чувств: острая боль пронзила бок. Пять лет назад во время скачек Хокинс упал с лошади и повредил тазобедренный сустав. С тех пор ему приходилось довольствоваться на состязаниях лишь ролью зрителя.

Однако даже боль не смогла ухудшить настроения бывшего наездника. Держась рукой за бок и прихрамывая, Хокинс быстро заковылял к финишному столбу, намереваясь первым встретить победителя и предъявить свое право на выигрыш в тысячу долларов.

Наездник двуколки развернул лошадь, вернулся к финишу и, схватив свисавший с финишного столба ярко-желтый кошелек с деньгами, бросил его Генри Хокинсу, затем съехал со скаковой дорожки и направился к конюшне.

Очувшись на конюшне, наездник быстро и умело выпряг Пэдди Боя из двуколки, провёл его к тускло освещенному стойлу, завел туда лошадь, тщательно запер дверь и только после этого направился к стоявшему в углу сундуку и вынул из него аккуратно сложенные юбку и кофточку.

Сняв жокейскую шапочку, наездник тряхнул головой, и по плечам рассыпались черные кудри. Стянув мужские брюки и влажный от пота ярко-красный шелковый камзол, девушка со вздохом облегчения принялась разматывать узкую длинную полоску ткани, которой она перетягивалась. И вот уже из-под повязки выпрыгнули маленькие, великолепной формы груди. Девушка осторожно потеряла их, морщась от боли. Больше всего на свете Ребекка Хокинс ненавидела утягивать грудь. Мало того, что это была болезненная процедура – особенно перед месячными, как сегодня, она еще и действовала на девушку угнетающе. С недавних пор Ребекке стало казаться, что, перебинтовывая грудь, она убивает в себе женщину.

Девушка ловко натянула простенькую зеленую, по щиколотку, юбку и белую блузку, заперла сундук, а затем занялась Пэдди Боем: принялась чистить его, что-то ласково нашептывая.

В это время один из судей, сидевших на трибуне рядом со скаковой дорожкой, крикнул Генри Хокинсу:

– Хок! Пэдди Бой только что показал самое лучшее время в истории местных скачек!

– Какое?

– Две минуты и две секунды.

– Неплохо, совсем неплохо, – заметил Хок, улыбнувшись во весь рот, и удовлетворенно потер руки. – Даже отлично!

– Мистер Хокинс, прошу простить меня, сэр, – послышался у него за спиной незнакомый голос. – Меня зовут Деннис. Я репортер газеты «Ивнинг ситизен». Разрешите взять у вас интервью.

Хок обернулся. На него смотрел молодой человек невысокого роста с остреньким, как мордочка хорька, лицом.

– Разумеется, сэр. – Хок горделиво улыбнулся.

– Это ваши первые скачки в Иллинойсе? – начал Деннис.

– Ну что вы! С тех пор как мы приехали в этот штат, мы уже участвовали в четырех скачках на различных ярмарках. А завтра днем собираемся еще раз попытать счастья здесь же.

– И каковы были результаты?

– Мы выиграли два... нет, теперь уже три заезда, считая сегодняшней, – поведал Хок, широко улыбнувшись. – Но самую крупную сумму получили сейчас. На других скачках выигрыш составлял двадцать пять и пятьдесят долларов. – Хок потряс кошельком, и монеты весело зазвенели.

Деннис оглянулся:

– Я надеялся, что вот-вот подойдет ваш наездник. Хотел сфотографировать вас вдвоем.

Хок поспешно отвел глаза.

– Мой наездник – парнишка застенчивый. Он не любит, чтобы его снимали, и предпочитает не давать интервью.

– Но ведь вы наверняка можете на него повлиять. В конце концов, он у вас служит и должен вас слушаться.

– Это верно. Но когда он нанимался ко мне на работу, то поставил условие, чтобы газетчики его не донимали, и я согласился. Уговора нашего я нарушать не собираюсь. Лучшего наездника у меня еще не было, и мне вовсе не хочется его терять. – Хок внезапно расхохотался. – Сам-то я уже не могу его заменить!

– Так вы Генри Хокинс! Ну конечно! Как же я раньше не догадался! – воскликнул Деннис, хлопнув себя по лбу. – Ведь вы тот самый Генри Хокинс, верно?

Старый наездник ухмыльнулся:

– Ну, насколько мне известно, да. По крайней мере, единственный Генри Хокинс, которого я знаю.

– Думаю, вы понимаете, о чем я, – быстро проговорил Деннис. – Вы именно тот Генри Хокинс, который принимал участие в Королевском дерби¹, проводимом в Англии, в Эпсоме. Вы – единственный американец, выигравший там два заезда.

– Да уж, эти состязания были для меня не из худших, – скромно признался Хок.

– Но я не понимаю, мистер Хокинс, – продолжал настырный журналист, – почему вы, такой известный человек, такой знаменитый наездник, согласились участвовать в соревнованиях на какой-то третьесортной ярмарке! Зачем вам это?

Улыбка Хокинса погасла. По его лицу будто прошла тень, но заметить это мог бы лишь особо проницательный человек: уже через секунду старый наездник взял себя в руки и без всякой обиды ответил на вопрос журналиста:

– Все очень просто. Я был наездником, сынок, а не владельцем лошадей. У меня было имя, но не было денег. Ездой на лошадях я зарабатывал себе на жизнь, а когда уже не смог этого делать, купил подержанную двуколку и рысака, который когда-то был отличным скакуном, но слава его давно уже миновала. Тем не менее он выиграл несколько скачек, и я получил немного денег, только-только чтобы некоторое время продержаться на плаву. Но самая его большая заслуга в том, что от него родился Пэдди Бой, который уже несколько раз стал победителем и наверняка станет еще.

– П-простите меня, – запинаясь, пробормотал Деннис. – Я не имел права совать нос не в свое дело.

– Ну конечно, имел, сынок. Ведь это твоя работа.

– А вот и мой фотограф, – поспешно сказал журналист, все еще ощущая неловкость. – Быть может, вы разрешите вас снять?

Хокинс увидел, что к нему и в самом деле направляется фотограф, а следом за ним и его внучка, Ребекка.

– Снимайте на здоровье, но только при условии, что вместе со мной сфотографируют и мою внучку, – заявил Хокинс. – Думаю, вашим читателям будет приятнее смотреть на хорошенькое женское личико, чем на мою морщинистую физиономию.

Насчет своей внучки бывший наездник не ошибался. Ребекка Хокинс и в самом деле была хорошенькой. Стройная, чуть выше среднего роста, с копной черных кудряшек, ниспадавших до плеч и обрамлявших белоснежное, гладкое, как фарфор, лицо, лишь на щеках тронутое румянцем. Картину дополняли алые, четко очерченные губы и огромные глаза необычного рыже-карего цвета. «Словно херес в хрустальном бокале», – любил говаривать дедушка.

Сейчас эти глаза сияли, а улыбка обнажила маленькие ровные белоснежные зубки. Взгляд, которым Ребекка одарила дедушку, был полон торжества.

– Иди сюда, Бекки, – позвал Хок. – Наша фотография скоро будет красоваться в газете. Здорово, правда? Может, уже завтра напечатают? – обратился он к фотографу.

– Боюсь, что нет, сэр, – отозвался тот. – Завтра только будут готовы снимки. А сейчас прошу не шевелиться и смотреть в объектив.

Хок с Ребеккой послушно уставились в объектив стоявшей на треножке камеры, а фотограф юркнул под черное покрывало. Послышался громкий щелчок, фотограф забрал свою камеру и удалился.

– Спасибо за интервью, мистер Хокинс, – проговорил Деннис. – И удачи вам завтра на скачках.

– Не стоит благодарности, молодой человек.

– Пэдди Бой прошел сегодня просто великолепно, – заметила Ребекка, когда они с дедом направились к конюшне. – Он это и сам знает. Видел бы ты, как он задирает нос!

¹ Дерби – ипподромные состязания трехлетних скаковых чистокровных лошадей на дистанцию 1,5 мили. Название получили по фамилии организатора, лорда Дерби. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– Да ну? – удивился Хок. – А Черный Принц берет с него пример?

– Ну что ты! – рассмеялась Ребекка. – Черный Принц слишком хорошо воспитан, чтобы поддаваться дурному влиянию. Он, как обычно, держится с аристократическим спокойствием. Впрочем, когда я наградила Пэдди Боя за одержанную победу кусочком сахара, Принц решил, что и ему полагается.

– Но ты, конечно, не дала ему сахар? – нахмурился Хок.

– Дала, дедушка. Как я могла ему отказать?

– Ах, Бекки! Никогда тебе не стать хорошим тренером. Слишком доброе у тебя сердце. Черный Принц должен крепко-накрепко запомнить, что сахар ему дадут только в том случае, если он его заработает.

– Но ведь так нечестно, дедушка! – возразила Ребекка. – Пэдди Бой выигрывает скачки и получает свои заслуженные награды, а бедняжка Черный Принц день за днем стоит в стойле. Если бы ему дали возможность поучаствовать в состязаниях, он бы наверняка выиграл! Но никто ему такой возможности не дает.

– Точно выиграл бы, – согласился Хок, и глаза его задорно блеснули, – Но ведь ты же знаешь, моя хорошая, что мы с тобой задумали.

– Я-то знаю, дедушка, а вот знает ли Принц?

– Черный Принц, конечно, самый быстроногий чистокровный жеребец во всей Америке, но мы не можем пока что выставлять его на скачках. Пусть до поры до времени постоит в конюшне, чтобы никто не догадался о его потрясающих способностях. А вот когда начнется Кентуккийское дерби, мы непременно выставим Черного Принца в первом же заезде. Мы поставим на него все наши сбережения, девочка, а когда он выиграет, у нас будет достаточно денег, чтобы купить ту ферму по разведению чистокровных жеребцов, о которой мы с тобой столько мечтали, – терпеливо принялся излагать Хокинс свой план, будто Ребекка не знала его наизусть, будто не слышала эти самые слова сотни раз в течение многих лет, когда они с дедом кочевали из штата в штат, с одной ярмарки, где проходили скачки, на другую.

– А вот и они, – с гордостью сказала Ребекка, когда они с дедом подошли к двум смежным стойлам, в которых стояли их лошади, – мои дорогие красавцы.

Заслышав тихий голос хозяйки, оба жеребца, Черный Принц и Пэдди Бой, повернули головы и выжидающе взглянули на нее. Ребекка направилась к своим любимцам, но в этот момент послышались свист кнута, громкий щелчок и испуганное ржание.

– Что это, дедушка? – спросила Ребекка и, крепко схватив Хока за руку, обвела встревоженным взглядом длинные ряды стойл.

– Сдается мне, девочка, какой-то мерзавец бьет свою лошадь, – сердито бросил Хок. – Эй, вы! – закричал он, бросаясь к стойлу, из которого донеслось ржание. – Презренный негодяй! Перестаньте мучить животное!

– Осторожно, дедушка! – взмолилась Ребекка и помчалась следом за ним, опасаясь, как бы с ее горячо любимым дедом чего не случилось.

Снова раздались свист кнута, звук удара – это кнут пришелся по крупу несчастного животного – и полное муки лошадиное ржание.

– Черт бы вас побрал, сэр! – воскликнул Хок и, настезь распахнув дверь стойла, вбежал туда, нисколько не боясь, что ему тоже достанется. – Прекратите бить животное!

Ребекка следом за дедом тоже ворвалась в стойло и, увидев нарушителя спокойствия, испуганно ахнула, чувствуя, как у нее мороз прошел по коже. Никогда в жизни не доводилось ей видеть такого страшного человека, как стоявший перед ней мужчина, одной рукой державший под уздцы испуганную лошадь, а другой сжимавший кнут.

Это был огромный детина двухметрового роста с абсолютно лысой яйцеобразной головой, сидевшей на толстенной, как бревно, шее. Мощная шея плавно переходила в широченные плечи, отчего создавалось впечатление, что обладатель их сделан из цельного куска гранита.

Страшилище было облачено с ног до головы во все черное (при ближайшем рассмотрении Ребекка заметила, что одежда его сшита из самого дорогого материала и великолепным портным). Левую щеку детины, будто алая молния, прорезал длинный шрам. Легко касаясь его пальцами, словно лаская, гигант взглянул на Хокинса, потом на Ребекку.

Рядом со стойлом стояли еще двое. Одного из них, невысокого, облаченного в желто-черный камзол, Ребекка знала. Это был наездник по имени Тимми Берд. Второго мужчину она никогда прежде не видела.

– Насколько мне известно, вас зовут Генри Хокинс, – сказал великан с кнутом. – Разрешите представиться, сэр. Оскар Сталл, владелец этой лошади.

– Что еще не дает вам права избивать ее! – пылко воскликнула Ребекка.

Взглянув на нее, Сталл холодно улыбнулся:

– Напротив, моя дорогая юная леди. Это дает мне право делать с этим животным все, что мне заблагорассудится. Я могу даже убить его, если у меня появится такое желание.

– Тимми, – обратился Хокинс к переминавшемуся с ноги на ногу наезднику. – Я знаю тебя уже не один год, но никогда не замечал, чтобы ты мучил лошадей или позволял это делать другим.

– Что я могу поделывать, Хок, – промямлил Тимми, и на лице его явственно отразился страх перед Оскаром Сталлом.

– Ты можешь сказать этому презренному негодяю, что ты больше у него не работаешь.

Сталл хрипло расхохотался:

– Нет, мистер Хокинс, он не может этого сделать. Если он такое себе позволит, то я позабочусь о том, чтобы он больше никогда ни на кого не работал.

– И как вы это сделаете, позвольте вас спросить? – вмешалась в разговор Ребекка. – Изобьете его кнутом, как свою лошадь?

– Я никогда ни с кем не расправляюсь сам, юная леди, – ответил Сталл, холодно улыбнувшись. – Мистер Мерси умеет сделать так, чтобы мои пожелания немедленно и беспрекословно претворялись в жизнь. Не правда ли, мой друг? Между прочим, разрешите представить вам мистера Мерси, моего телохранителя. К сожалению, время от времени я нуждаюсь в такого рода услугах.

– Могу себе представить, – с отвращением произнесла Ребекка.

Она взглянула на человека, которого Оскар Сталл назвал мистером Мерси. Ребекка никогда его раньше не видела и прекрасно прожила бы без этого и впредь.

Мистер Мерси был невысокого роста и довольно хлипкого сложения, особенно по сравнению с Оскаром Сталлом. Так что на первый взгляд его должность телохранителя при таком здоровяке, как Сталл, казалась просто смехотворной. Цвет лица у мистера Мерси был болезненно-серым, а бесцветная, будто линялая, одежда лишь подчеркивала его невзрачность. Глаза у телохранителя тоже были серые, вроде бы самые обыкновенные, но внимательно вглядевшегося в них они потрясали до глубины души: они казались настоящими кусочками льда. В них не отражалось ничего – ни мыслей, ни чувств. Похоже, этому человеку были неведомы ни жалость, ни сострадание.

Словно смотришь в лицо самой смерти, решила Ребекка, с содроганием глядя на мистера Мерси. Вот уж кому меньше всего подходит его имя².

– За что вы бьете это несчастное животное? – строго спросил у Сталла Генри.

– За что, мистер Хокинс? Да за то, что эта тварь дала себя обойти. Кому, как не вам, это знать, сэр. Ведь это ваша лошадь его обошла.

² Мерси – милосердие, сострадание (англ.).

– И вы избиваете его за это? – с отвращением воскликнул Хок. – Боже правый! Да из последних пяти заездов я проиграл два. Неужели вы думаете, что я стал бы лупцевать за это Пэдди Боя?

– У вас свои методы тренировки, у меня свои, – отрезал Сталл.

– Наши, в отличие от ваших, дают прекрасные результаты, – поддела его Ребекка.

– В большинстве случаев мои тоже себя оправдывают, юная леди, – изрек Сталл и уставился на Ребекку, словно только что ее увидел.

Ребекка уже умела отличить похотливый мужской взгляд от обычного. Никто с ней никогда не разговаривал на тему взаимоотношения полов, да и опыта у нее по этой части никакого не было, однако, будучи девушкой смысленной и наделенной даром интуиции, Ребекка набиралась жизненного опыта, наблюдая за поведением своих питомцев. Так что ее можно было назвать невинной, но никак не невежественной.

Ребекке было двадцать лет, и когда она, глядя на спаривающихся лошадей, представляла себе, как мужчина и женщина занимаются любовью, то испытывала при этом приятное возбуждение. Но при мысли о том, что можно заниматься любовью с мистером Сталлом, который так и пожирал ее взглядом, Ребекка невольно вздрогнула.

– Однако, – продолжал Сталл, – я вижу, что вам мои методы воспитания, как бы эффективны они ни были, не по душе, так что я пока сделаю перерыв.

Он сказал это таким тоном, словно делал всем присутствующим огромное одолжение, и, снова улыбнувшись своей холодной улыбкой, протянул кнут Тимми Берду. Тот взял его и, искоса взглянув на Хока с Ребеккой, выбежал из конюшни.

– Мистер Сталл, в каждом заезде может победить лишь одна лошадь, – заметил Хок. – Надеюсь, вы это понимаете?

– Да. Только, смею вас заверить, я не тот человек, который любит проигрывать, – ответил Сталл. – Как вы совершенно справедливо заметили, в каждом заезде есть один победитель, остальные – побежденные. Так вот, я предпочитаю быть победителем.

– Мистер Хокинс, вы здесь? – послышался издали чей-то голос.

Хок с Ребеккой поспешно покинули Сталла и его телохранителя и направились к стойлу, где находились их лошади. Там они обнаружили высокого стройного молодого человека с рыжеватыми волосами, с интересом разглядывающего Пэдди Боя и Черного Принца. Одет он был хорошо, слишком хорошо для простого труженика. Этакий щеголь, решила Ребекка. Протянув руку, он принялся ласково поглаживать Пэдди Боя, улыбаться и что-то нашептывать ему тихим голосом, в котором явственно чувствовался ирландский акцент.

– Генри Хокинс – это я, – сказал Хок, подходя к молодому человеку. – Чем могу служить, сэр?

– Так вы и есть мистер Хокинс! – воскликнул рыжий. – Меня зовут Глэдни Хэллоран, и я пришел пригласить вас на ужин.

– Вы собираетесь пригласить дедушку на ужин? – удивилась Ребекка. – Но почему, скажите на милость?

Хэллоран взглянул на девушку и ухмыльнулся во весь рот. Ребекка заметила, что улыбка у него несколько кривая, будто парню ненароком повредили челюсть в какой-то уличной драке. Однако ничто больше в его внешности не наводило на мысль о кулачных боях. Так почему же при взгляде на него приходит мысль о драке? Взглянув на незнакомца повнимательнее, Ребекка поняла почему. В его глазах, весело смотревших на мир, явственно мелькал упрямый огонек. Похоже, этот молодой человек весьма вспыльчив. Он наверняка из тех, кто будет стоять на своем до конца, прав он или нет. Издалека мистер Хэллоран показался Ребекке довольно худощавым, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что он крепкий и мускулистый. Внезапно Ребекка ощутила себя не в своей тарелке.

– А вы, малышка, должно быть, его внучка? Так вот, я с превеликим удовольствием приглашаю на ужин и вас, потому что благодаря вам обоим мне привалила большая удача.

– Благодаря нам? – удивленно переспросил Хок.

– Ну да. Вам двоим да еще вот этому джентльмену с прекрасным ирландским именем Пэдди Бой³. Должен признаться, что только из-за имени я на него и поставил. И он меня не подвел, сэр. Я выиграл очень прилично. Так что самое меньшее, чем я могу вас отблагодарить, – это накормить ужином.

– Спасибо, мистер Хэллоран, но мы... – начала было Ребекка, однако Хок не дал ей договорить.

– Мы будем счастливы принять ваше приглашение, мистер Хэллоран, – перебил он внучку, пожимая молодому человеку руку.

– Но, дедушка! – в ужасе воскликнула Ребекка.

– А почему бы и нет? – повернулся к ней Хок. – Ведь если этот молодой человек угостит нас ужином, мы сэкономим деньги. Так что не вижу в этом ничего плохого.

– Слушайте дедушку, малышка. Он дело говорит. Голова у него хорошо работает.

Когда Хокинс с внучкой пошли посмотреть, кто это к ним пришел, Оскар Сталл отправился вслед за ними и, подойдя к стойлу, в котором стояли их лошади, заметил Черного Принца. Он остановился и с огромным интересом и знанием дела принялся рассматривать красавца рысака.

– Мистер Хокинс, вы собираетесь завтра выставлять эту лошадь? – поинтересовался он.

– Нет, – коротко бросил Генри.

– Нет? – удивился Сталл, разглядывая лошадь с еще большим интересом и обращая особое внимание на широкую грудь и длинные стройные ноги жеребца.

– В таком случае, быть может, вы согласитесь выставить вашу лошадь против моей? Победителю достанется лошадь побежденного.

– Думаю, что это предложение меня не заинтересует, – ответил Хок.

– Не спешите с ответом, сэр. Сначала взгляните на мою лошадь. Это великолепная молодая кобыла, дочь Лейзи и Верджила, от которых произошел и жеребец Вейгрант. А Вейгрант уже выиграл Приз Александра, Приз Стэнфорда, а также скачки молодых жеребцов и кобыл в Лексингтоне.

– Я слышал о Вейгранте, – сказал Хок. – А что вы мне можете рассказать о своей кобыле?

– Ее имя – Гордость Сталла. Она бегаёт довольно хорошо, но не более того. В общем, похвастаться нечем. Впрочем, глядя на вашего жеребца, я могу с уверенностью сказать, что ей не пришлось бы особо напрягаться, чтобы выиграть скачку, если бы вы на нее согласились, – снисходительно бросил Сталл. – Похоже, ваш жеребец вообще ни на что не годен. Разве что как производитель был бы неплох. Если бы я выиграл, то использовал бы его именно в этих целях. И уж конечно, я бы никогда не выставил его на скачках.

– На вашем месте я не стал бы с такой уверенностью о нем говорить, – перебил его Хок. – Черный Принц может вас удивить.

– Так его зовут Черный Принц? Прекрасное имя, ничего не скажешь, – фыркнул Сталл. – Если бы он мог вдобавок похвастаться и знаменитыми родителями, то...

– Ладно, мы согласны выставить его против вашей лошади! – порывисто воскликнул Хок.

– Нет, мы не согласны! – вмешалась Ребекка. – Дедушка, что это на тебя нашло?

– Но ты же слышала, как этот человек только что отзывался о Черном Принце! Это же оскорбительно!

– Он просто пытается вывести тебя из равновесия, – заметила Ребекка.

Хок со вздохом почесал щеку:

³ Пэдди – ирландец (англ.).

– Наверное, ты права, девочка. Я что-то совсем потерял голову. Простите, мистер Сталл, но никакого состязания не будет.

– Как это не будет! – вспыхнул Сталл. – Вы же только что дали согласие!

– Я передумал, – беззаботно отозвался Хок. – Я не буду выставять Черного Принца против вашей лошади. Он еще не готов к состязаниям, и я не хочу подвергать его риску.

– Мистер Хокинс, вы же уважаемый человек! Вы одержали массу побед в Англии и по всей Америке. И вы позволяете какой-то девчонке вам указывать? Да где же ваша гордость?!

– Эта, как вы выразились, девчонка напомнила мне о моем собственном решении, которое я принял много лет назад, – терпеливо проговорил Хок. – И она совершенно справедливо остудила мой пыл. И мне непонятно, чего это вы так взбеленились. Я сказал, что состязания не будет, и решения своего не изменю.

– Я не тот человек, с которым можно не считаться. – В голосе Сталла звучала угроза. – Я вас предупреждаю, сэр!

– Предупреждаете меня? Вы что, мне угрожаете, мистер Сталл? – рассердился Хок.

– Ну что вы, конечно, нет, – пошел на попятную Сталл. – Но я не тот человек...

– Вы не тот человек, которого здесь хотят видеть, – внезапно перебил его Глэдни Хэллоран. Все это время он молчал и только гладил Пэдди Боя. Казалось, он ни на что не обращает внимания. Он и сейчас не прекратил своего занятия и произнес эти слова настолько будничным тоном, словно спрашивал, который сейчас час.

– Что вы сказали? – обернулся к нему Сталл, и глаза его сверкнули от ярости. – А вам какое до всего этого дело? Нечего совать свой нос куда не следует!

– Я говорю не от лица этих милых людей, – проговорил Глэдни, указывая на Хока с Ребеккой, – а от имени Пэдди Боя, к которому уже успел привязаться. Он мне только что прошептал на ушко, что не хочет вас здесь видеть. Он говорит, что ему неприятно слышать вашу бранную речь и созерцать ваши грубые манеры. И он просил передать, что просит вас удалиться.

– Ах ты, наглый ублюдок! – яростно воскликнул Сталл и прищурился. – Да я из тебя сейчас всю душу вытрясу!

Погладив Пэдди Боя последний раз, Глэдни вышел из стойла. Он стоял, небрежно переступая с пятки на носок, совершенно расслабившись и даже не сжав руки в кулаки. Но уже через секунду тело его несколько напряглось, как у тигра перед прыжком или у готовой к старту скаковой лошади. Улыбнувшись во весь рот, он поднял левую руку ладонью вверх и начал медленно сжимать ее в кулак.

– Значит, собираетесь из меня всю душу вытрясти, мистер Сталл? – безмятежно спросил он. – Ну, давайте, мистер Сталл, попробуйте.

Сталл шагнул было к Глэдни, но, видимо, передумав, остановился. На лице его появилась деланная улыбка. Подняв руку, он машинально погладил свой шрам на щеке.

– Нет, я не стану этого делать, – ответил он. – С какой стати я буду сам с вами разбираться, когда у меня есть мистер Мерси? Я плачу ему за то, чтобы он не позволял людям вроде вас мне докучать.

– Ну, вот и славно, – небрежно бросил Глэдни, не меняя выражения лица. – Бегите к своему мистеру Мерси, а нас с Пэдди Боем оставьте в покое.

– Мистер Хокинс, – медленно проговорил Сталл, – мы еще с вами встретимся, не сомневайтесь.

Взглянув на Ребекку, Сталл небрежно поклонился ей и удалился.

Ребекка вздрогнула.

– В присутствии этого человека на меня просто столбняк находит, – пожаловалась она.

– Мистер Хэллоран, вы так здорово разделались с этим мерзавцем, что теперь уже я должен пригласить вас на ужин, – улыбнулся Хок.

– Нет, сэр, – возразил Глэдни. – Мы собираемся отпраздновать победу Пэдди Боя, а не нашу победу над каким-то негодяем. И я оплачу ужин из тех денег, что выиграл. – Глэдни обвел глазами конюшню. – Но, по правде говоря, мистер Хокинс, наездник тоже заслуживает моей благодарности. Он лихо правил двуколкой.

– Что верно, то верно, – согласился Хок.

– Значит, он к нам присоединится?

– Боюсь, что нет, мистер Хэллоран. Он очень застенчив и не выносит общения с незнакомыми людьми.

Глэдни расхохотался:

– Вот уж не часто встретишь человека, который отказывается от заслуженной награды. Обычно люди так и норовят попользоваться тем, чего не заслужили.

– Значит, вы не станете настаивать, чтобы он ужинал с нами?

– Конечно, нет, – ответил Глэдни. – Хотя я бы оставил этому застенчивому парнишке немного денег, чтобы он поужинал в одиночестве, если ему так больше нравится.

– Уверю вас, в этом нет необходимости.

– Ну что ж... – Глэдни пожал плечами и, выжидаяще глядя на Генри, проговорил: – Тогда пошли?

– Ты не возражаешь, Бекки? – с надеждой спросил Хок.

Пока Глэдни Хэллоран беседовал с ее дедом, Ребекка исподтишка разглядывала молодого человека. Было в нем что-то, вызывавшее в ней какое-то необъяснимое волнение. Это не было похоже на страх, который внушал ей Оскар Сталл, не напоминало тревогу, появлявшуюся у нее от одного присутствия этого страшного человека. С Глэдни же все было иначе. Ребекку к нему явно тянуло, хотя отчего, она и сама не могла бы объяснить. Быть может, хорошие манеры незнакомца так странно на нее подействовали? Однако Ребекка понимала, что дело тут не только в хороших манерах. Она чувствовала к молодому ирландцу физическое влечение, и чувство это было для девушки совершенно новым. Никогда еще ей не приходилось испытывать такого, и поэтому было немного страшновато. А что, если она влюбилась в Глэдни? Что тогда? Но Ребекке так хотелось поближе познакомиться с этим молодым человеком! И это желание пересилило страхи. Решив отбросить свою привычную сдержанность, по крайней мере хотя бы сейчас, Ребекка улыбнулась, и улыбка эта едва не ослепила Глэдни Хэллорана.

– Мистер Хэллоран, – обратилась к нему Ребекка, – если вы желаете накормить нас ужином, я не возражаю.

– Отлично! – просияв, сказал Глэдни.

– Ой! – внезапно воскликнула Ребекка, глядя куда-то поверх его плеча. Она прижала руку ко рту, и глаза ее испуганно округлились.

– Что случилось? – забеспокоился Хэллоран. Ребекка указала в дальний угол конюшни.

– По-моему, я снова видела этого ужасного человека, этого мистера Сталла.

Хокинс презрительно фыркнул.

– Ну и что? Один раз наш друг мистер Хэллоран его уже выгнал – выгонит еще раз.

И он подмигнул Глэдни.

Ребекка продолжала с беспокойством всматриваться во тьму.

– В чем дело, девочка? Тебе совершенно не о чем беспокоиться. Он, конечно, задира каких мало, это верно, но...

Ребекка не дала ему договорить.

– Дедушка, – заметила она, порывисто схватив Генри за руку, – у него в руках револьвер! Это совершенно точно! Я видела, как блеснуло дуло, когда на него из окна упал свет!

Глава 2

«Черт бы побрал эту девчонку!» – мысленно выругался Оскар Сталл, услышав слова Ребекки, и поспешно пригнулся.

У него и в самом деле был в руках револьвер. Сталл быстро бросил его на пол, закидал сеном, после чего взял вместо оружия арапник и как ни в чем не бывало вышел из-за угла. Обеспокоенный словами Ребекки, Глэдни Хэллоран отправился на разведку. Подойдя к стойлу, в котором Сталл держал лошадей, и увидев их хозяина, он гневно спросил:

– Что это вы здесь прячетесь?

– Простите? – удивился Сталл. – О чем вы? У меня здесь лошади. Кто имеет больше прав находиться на конюшне, чем я?

– Но у вас нет никакого права держать здесь оружие! – выпалил Глэдни и угрожающе двинулся вперед.

– Оружие? – удивленно переспросил Сталл и распахнул полы куртки. – Где вы видите оружие? Что вы, черт подери, несете, приятель!

– Мне показалось, что я видела револьвер, – прошептала Ребекка.

Бросив взгляд на металлическую ручку арапника, Сталл расхохотался.

– Моя дорогая юная леди! Вы, без сомнения, видели вот это. – И он протянул Ребекке арапник ручкой вперед.

Его уловка удалась: взгляд Хэллорана немного смягчился, и он вопросительно взглянул на Ребекку.

– Может, вы и в самом деле перепутали?

Ребекка заколебалась. Она могла бы поклясться, что видела в руках у Сталла револьвер... но может быть, ей показалось, в темноте и ошибиться недолго.

– Я... я не знаю. Может, это был и арапник, – с сомнением проговорила она.

– Уверяю вас, мисс Хокинс, это он и был, – поспешно сказал Сталл. – Вещь, в сущности, достаточно безобидная, но я прошу прощения, если напугал вас.

– Ну что вы, мистер Сталл, – тихо возразила Ребекка. – Это я должна перед вами извиниться. Очевидно, я ошиблась.

Сталл рассмеялся тем самым безжизненным и безжалостным смехом, который у Ребекки вызывал смутную тревогу, и потер свой похожий на молнию шрам пальцем с безукоризненно наманикюренным ногтем.

– Все мы время от времени ошибаемся, мисс Хокинс. Забудьте об этом.

Глэдни слушал их разговор и чувствовал, что гнев его немного поутих, однако совсем не прошел. Что-то в этом Сталле вызывало у него раздражение, и оно не замедлило вылиться наружу.

– И все-таки, Сталл, здесь творится что-то неладное. Меня вы своими гладкими речами не обманете.

– Мистер Хэллоран, поверьте – все ваши опасения беспочвенны, – проговорил Сталл.

Глэдни нахмурился:

– Никаких опасений вы у меня не вызываете, можете на это не рассчитывать. Впрочем, никаких добрых чувств тоже. А теперь нам пора идти. Но я запомню, что от вас всего можно ожидать, так что не пытайтесь устроить нам какую-нибудь пакость.

Шрам на щеке Сталла вспыхнул багровым пламенем. На висках вздулись вены, похожие на маленьких змей. Как же ему хотелось стереть эту несносную троицу в порошок! Но он сумел сдержаться и не дал волю своим чувствам, лишь проводил Хэллорана и Хокинсов недобрый взглядом. Когда они удалились на почтительное расстояние, Сталл перевел дух. Какой же он дурак, что схватился за револьвер! Обычно дела подобного рода Сталл поручал

мистеру Мерси. Но сейчас мистера Мерси на конюшне не было: Сталл отправил его выполнять одно деликатное поручение. Однако унижение, которое он испытывал из-за Хэллорана, было настолько велико, что требовало немедленного отмщения. Бешеная ярость и жажда мести побудили Сталла броситься к своей коляске, вытащить из багажного отделения револьвер и вернуться на конюшню в надежде улучшить момент, когда Хэллоран останется один. Ирландец был известным игроком и мошенником. Он наверняка нажил массу врагов, так что не у одного человека могло возникнуть желание с ним расправиться.

Сталл решил убить Хэллорана и бросить труп на конюшне. Потом бы его кто-нибудь обнаружил. Но эта проклятая девчонка и ее дед спутали ему все карты! Мало того, эта девица чуть его не разоблачила!

Ребекка уже давно скрылась из виду, но образ ее по-прежнему стоял у Сталла перед глазами и казался все более и более соблазнительным. Воображение вело его все дальше. Вот Ребекка лежит перед ним, Сталлом, обнаженная, связанная по рукам и ногам и с кляпом во рту, чтобы не кричала, и в ее широко распахнутых глазах полыхает страх. От этой восхитительной картины по телу Сталла разлился нестерпимый жар, в одну секунду уничтоживший ярость, которую вызвал в нем этот несносный Хэллоран. Так что теперь единственным чувством, переполнявшим Сталла, было страстное желание, удовлетворить которое он мог лишь ему ведомым способом, отличавшимся крайней изощренностью.

Дело в том, что жестокая натура Сталла проявлялась и в его отношениях с женщинами. Ему доставляло огромное удовольствие унижать их и причинять им боль, так что они готовы были пойти на все, лишь бы их перестали мучить. Этот страшный человек мог достичь удовлетворения, лишь смешав приглянувшуюся ему женщину с грязью. Неудивительно, что не многие женщины добровольно соглашались участвовать в крайне жестоких сексуальных играх Сталла. Обычно это были проститутки, которые требовали за не совсем обычные услуги огромную сумму, а после неизменно отказывались от повторения. Правда, Сталла это не обескураживало. Женщин вокруг было предостаточно, так что жизнь его была ключом – успевай только поворачиваться! Тем не менее до сегодняшнего дня он и не представлял, какое это сладостное чувство – подчинить себе невинную девочку настолько, чтобы она безропотно выполняла все его прихоти. А как было бы здорово, если бы этой девочкой оказалась Ребекка Хокинс! Какое наслаждение ему доставило бы унижить ее и власть поиздеваться над ней!

И поделом ей было бы! Сталл бы многое отдал, чтобы унижить эту девчонку и ее деда. До сегодняшнего дня Хокинсы о нем и слухом не слыхивали, а вот он о них знал. Да и как иначе? Имя Генри Хокинса было известно каждому любителю верховой езды в Америке. Ни для кого не составляло секрета, что этому человеку было присвоено звание почетного члена жокейского клуба Луисвилла и Ассоциации конного спорта, которая являлась спонсором только что организованных скачек под названием «Кентуккийское дерби».

Жокейский клуб был основан только в этом году. Его главный организатор М. Льюис Кларк специально съездил в Англию для изучения Британского Королевского дерби и вернулся в Луисвилл с твердой решимостью устроить Кентуккийское дерби по образу и подобию английского.

В то время конный спорт находился в Америке в упадке, и подобные состязания проводились лишь на ярмарках. Во всей стране можно было насчитать всего с полдюжины ипподромов, скачки на них проводились крайне нерегулярно. Кентуккийские фермеры, разводившие чистокровных рысаков, всерьез задумывались над тем, чтобы закрыть свои фермы, поскольку они не приносили почти никакого дохода: за годовалого жеребца можно было выручить не более ста долларов, а то и меньше. Все это Кларку было хорошо известно, и он решил в корне изменить положение дел, создав жокейский клуб. С помощью этой организации он надеялся поднять престиж кентуккийских лошадей и резко повысить спрос на них.

Кларк обратился к самым известным специалистам в области коневодства и убедил их вступить в созданную им организацию. Ко всем, кроме Оскара Сталла. Более того, когда Сталл выразил желание стать членом клуба, Кларк заявил ему, что подписной лист уже заполнен.

Такое пренебрежительное отношение к своей персоне вывело Сталла из себя. Сначала он попытался купить в клубе место, а когда это у него не получилось, постарался проникнуть туда с помощью подкупа и шантажа. Но и это не сработало. Сталл так и остался за бортом.

Причина, по которой члены жокейского клуба отказались принять в свои ряды Сталла, была весьма серьезной. Организация Кентуккийского дерби вызвала огромный интерес по всей стране, и все, кто каким-то образом был связан с новым делом, должны были иметь безупречные рекомендации. Таких рекомендаций Сталлу бы никто не дал. Он был хорошо известен своей жестокостью, напористостью и умением добиваться своего любыми способами.

Короче говоря, члены жокейского клуба считали себя джентльменами, а Сталла, по всеобщему мнению, к таковым отнести было нельзя.

Но никто не мог запретить ему выставить свою лошадь на Кентуккийском дерби, если он заплатит все необходимые взносы, что Сталл и сделал. И теперь его голубой мечтой было принять участие в первом заезде состязаний, 17 мая 1875 года, и выиграть его. Таким способом он собирался отплатить за пренебрежительное к себе отношение.

Обычно Оскар Сталл отвечал на оскорбления одним, не очень замысловатым способом. А именно: всю жизнь пытался кулаками доказать свое превосходство над другими людьми.

Сталл родился сорок пять лет назад в Бостоне, в районе порта. Его мать прислуживала в таверне, а отец был моряком. Однако кто из тех сотен моряков, что захаживали к матери, был его отцом, Сталл так никогда и не узнал. Оскаром мать назвала его, потому что, как она рассказывала сыну, «одного из матросов, похаживавших ко мне в то время, помнится, звали Оскар», а Сталлом – потому что напротив хибары, где она жила, стоял дом, на котором красовалась большая вывеска «Товарный склад Сталла».

Сколько Сталл себя помнил, его мать каждый вечер напивалась до бесчувствия, и к тому времени, когда ему исполнилось семь лет, он уже старался держаться от нее подальше. Целыми днями слонялся он по улицам, воруя и попрошайничая. Как-то холодным зимним днем – в то время Сталлу уже было пятнадцать – он нашел мать мертвой в каком-то глухом переулке. Он постоял, равнодушно глядя на нее, как посмотрел бы на какую-нибудь бродячую кошку или собаку, угодившую под колеса телеги, повернулся и ушел.

Вскоре дела Сталла пошли в гору, и к тому времени, как началась Гражданская война, он уже стал одним из главарей преступного мира Бостона. Но это его едва не погубило. Он был теперь фигурой в городе известной, и его узнавали в лицо. Так что, когда во время ограбления он убил перевозившего деньги курьера, его узнали, и пришлось спасаться бегством.

Федеральная армия показала Сталлу отличным местом, где можно было спрятаться и переждать, и он не мешкая вступил в ее ряды. Вскоре после этого ему поручили в составе небольшого отряда перевезти сто тысяч долларов золотом из одного расположения воинской части в другое. По роковой случайности на отряд напал патруль конфедератов, и, хотя федеральные войска отразили нападение, командир отряда был убит, а остальные ранены. Поняв, какая удача ему привалила, Сталл прикончил раненых, забрал золото, спрятал его в надежном месте, а командованию доложил, что золото похитили конфедераты.

Когда война закончилась, Сталл вернулся на то место, где закопал золото, забрал его и отправился в Кентукки – начинать новую жизнь, жизнь добропорядочного джентльмена. Однако, несмотря на то что Сталл был теперь человеком богатым и о его криминальном прошлом в Бостоне и Луисвилле никто не знал, местное общество не спешило принимать его в свой круг.

Именно тогда Сталл понял, какую важную роль в жизни штата Кентукки играют лошади. И он купил несколько скаковых лошадей, надеясь, что, если они победят на скачках, он

добьется того уважения, которого до сего дня был лишен. Но Сталл так и не понял, что сущность конных состязаний, этого спорта королей, составляет честная борьба. Он был абсолютно уверен, что победа на скачках принесет ему признание, которого он никак не мог добиться. И это стало у него навязчивой идеей. Сталл взял на вооружение девиз: победа любой ценой. Он купил самых хороших лошадей, которых только смог найти, нанял самых лучших жокеев, а если не мог победить в честном поединке, добивался своего обманом и хитростью.

К жокеям своим Сталл относился жестоко, и они редко у него подолгу задерживались, а с лошадьми обращался и того хуже. Он бил их нещадно, считая битье основой дрессировки. Если лошадь проигрывала скачку, он безжалостно расправлялся с ней, вымещая на несчастном животном свою злость. Подобным поведением Сталл нажил себе много врагов, поэтому он решил нанять себе телохранителя. Так у него появился мистер Мерси.

Мистер Мерси внушал страх всем, кому доводилось с ним сталкиваться. Сам Сталл тоже его побаивался, поскольку знал: этот человек способен на все. В отличие от Сталла, который далеко не всегда мог обуздать свои порывы, мистер Мерси был холоден и расчетлив. Он мог убить и глазом не моргнув, что периодически и проделывал. Он никого не любил и никого не ненавидел, никогда не улыбался и никогда не хмурился. Его ничто не радовало и ничто не могло разозлить. И Сталл отлично понимал, что мистер Мерси будет предан ему до тех пор, пока он будет платить ему за эту преданность.

Даже Сталл не знал его фамилии. Когда они познакомились, Сталл попросил его представиться, но телохранитель уклонился от ответа, высказав пожелание, чтобы его звали мистером Мерси, и никак иначе.

Стоило Сталлу подумать о мистере Мерси, как серый человечек тотчас же возник у него за спиной, неслышно материализовавшись из сгущавшихся сумерек.

– Все исполнено, – тихо сказал он.

– Что исполнено? – не понял Сталл.

– То, что вы просили.

Сталл настолько разозлился на Глэдни Хэллорана, что совершенно забыл о том, какое поручение дал мистеру Мерси. Но теперь вспомнил.

– Отлично! Отлично! – воскликнул он, широко улыбаясь и потирая свой и без того багровый шрам. – Хокинс учил меня сегодня, что нужно уметь проигрывать. Что ж, посмотрим завтра после скачек, как он сам это делает.

Глэдни Хэллоран нанял экипаж, чтобы с шиком доставить Ребекку и Хокинса в город. Приехав на Уотер-стрит – набережную реки Огайо, он привязал лошадей и помог Ребекке выйти из коляски.

– Вы только посмотрите! – воскликнула она. – Как красиво!

Зрелище и в самом деле было потрясающее. Последние косые лучи заходящего солнца освещали реку, отчего вода в ней казалась золотой. В полумиле вниз по течению Огайо сливалась с более мутной Миссисипи. Однако лучи заходящего солнца окрашивали ее воды в серебристый цвет. В том месте, где обе реки сливались, вода производила впечатление расплавленного серебра. В общем, картина была восхитительная, достойная кисти талантливого живописца.

У берега стояло несколько лодок и большой многопалубный белый с синей полосой речной пароход, разительно отличавшийся от остальных судов. На борту его красовалась надпись «Королева Огайо». Солнце уже почти село, начинало темнеть, и иллюминаторы красавца судна сверкали желтыми огнями, а на каждой мачте висели мерцавшие золотистым светом фонари.

– Здесь мы и будем ужинать, – пояснил Глэдни, заметив, что Ребекка смотрит на пароход полным благоговения взглядом.

– Мы будем ужинать на пароходе? – удивилась она.

– Ну да, – ответил Глэдни, в очередной раз улыбнувшись своей асимметричной улыбкой. – Скажите-ка мне: известно ли вам, как великолепно кормят на речных пароходах?

– Конечно, – ответила Ребекка. – Но как мы на него попадем? Мы ведь не пассажиры. Неужели они пускают на борт всех желающих?

– Не всех, малышка, – терпеливо произнес Глэдни. – Но Глэдни Хэллорана и его друзей наверняка пустят. А теперь пошли.

Ребекка с дедом направились следом за Глэдни к трапу парохода, осторожно ступая по булыжникам, которыми была вымощена пристань. Булыжники эти спасали набережную от разрушения, когда река выходила из берегов, что случалось частенько. Глэдни предложил Ребекке руку, но девушка отказалась и тут же об этом пожалела: поскользнувшись на мокром камне, она чуть не упала в реку. Глэдни вовремя успел поддержать ее.

– Я человек негордый. Могу и еще раз предложить свою помощь, – весело хмыкнул он. – Если вы, конечно, не погнушаетесь ее принять.

Ребекка молча взяла его под руку и сразу почувствовала себя более уверенно. Так они и дошли до трапа.

На палубе парохода, у самого трапа, стоял огромный чернокожий детина и сматывал канат. Увидев Глэдни, он от неожиданности выронил канат из рук и, издав восторженный вопль, ухмыльнулся во весь рот.

– Миста Глэдни! Неужели это вы? Вот здорово! Добро пожаловать на борт «Королевы Огайо»! Собрались плыть с нами в Новый Орлеан?

– Привет, Большой Сэм, – сказал так же радостно Глэдни. – Так, значит, капитан Дженкинс тебя еще не продал?

Большой Сэм оглушительно захохотал:

– Миста Глэдни, вы же знаете, рабства больше нет. Никто не может продать Большого Сэма, если он сам этого не захочет.

– Тебя, и когда оно было, никто не смог бы продать, Большой Сэм. А знаешь почему? Потому что за тебя никто и гроша ломаного не даст, слишком уж ты хилый. Такой хилый, что тебя только пальчиком толкни, ты и свалишься. Даже моя старенькая бабушка легко с тобою справится.

Негр снова разразился громовым хохотом. Все еще хохоча, он поднял с палубы железный прут и на глазах изумленной Ребекки принялся сгибать его в кольцо. Во время этой процедуры мощные мускулы на его руках, плечах и шее вздулись и стали похожи на канаты.

– А ваша старенькая бабушка сможет так сделать, миста Глэдни, а? Ну-ка скажите.

– Запросто сможет, причем одной рукой, – ответил Глэдни и глазом не моргнув.

– Веселый вы человек, миста Глэдни, – заметил Большой Сэм. – Люблю я, когда вы приходите к нам на пароход.

– А старый пират Дженкинс на борту? – поинтересовался Глэдни.

– А как же, сэр, где ж ему еще быть? – ответил Большой Сэм и, распрямив прут, ткнул им в сторону кормы. – Я видел его там десять минут назад.

– Мне нужно с ним быстренько переговорить, – сказал Глэдни. – А ты сможешь присмотреть, чтобы, пока я не вернусь, моих друзей никто не обидел?

– Миста Глэдни, если за это время из реки выплывет сам дьявол, я буду защищать ваших друзей как лев, – торжественно пообещал Большой Сэм. – Я никогда не забуду тот день, когда вы спасли мою шкуру.

– Да уж, такую шкуру жалко было не спасти, дружище, – заметил Глэдни и дружески похлопал чернокожего детину по плечу. – Я скоро вернусь, – сказал он Ребекке с Хокком и направился на корму.

Глэдни быстро шел по палубе «Королевы Огайо», слегка касаясь рукой отполированных перил. Меньше года назад взошел он на борт этого парохода, намереваясь проплыть лишь от

Сент-Луиса до Нового Орлеана, а по просьбе Дженкинса провел на его борту целых три месяца. Теперь настал черед Дженкинса оказать услугу ему, и Глэдни очень надеялся, что он ее окажет.

Капитан Дженкинс, пожилой мужчина лет семидесяти, был высок и худощав, с длинной, до самой груди, курчавой седой бородой. Сейчас он стоял, облокотившись на перила, и пристально разглядывал что-то.

– Какого черта ты там высматриваешь, кэп? Такие, как ты, вряд ли смогут углядеть что-нибудь путное, это уж как пить дать.

Вздвигнув брови, Дженкинс порывисто обернулся, и в ту же секунду гнев на его лице сменила улыбка. Взяв руку Глэдни своей длинной мозолистой ладонью, он на удивление крепко пожал ее.

– Брось ты свои ирландские штучки, Глэд, – сказал он. – Здесь тебе не ярмарка, надувать некого.

– Это ты верно заметил, – несколько смущенно проговорил Глэдни уже без всякого ирландского акцента. – Но привычка есть привычка. Когда я работаю на ярмарке, я всегда говорю с ирландским акцентом, а избавиться от него потом ужасно трудно.

– Если так и дальше пойдет, то в один прекрасный день ты вообще забудешь нормальный английский язык. Придется тебе тогда до конца дней своих чирикать на своем ирландском наречии.

– Если хорошенько подумать, это будет просто здорово, – беззаботно сказал Глэдни, вновь с легкостью обретая ирландский акцент. – На кой черт мне, такому отличному честному ирландскому парню, какой-то литературный английский?

– Особенно при твоей развеселой работе, когда и говорить-то особо не нужно. Верно, Глэд? – подхватил Дженкинс.

Глэдни ухмыльнулся:

– В моем деле встречаются очень жадные люди, которые считают, что способны меня перехитрить. Что ж, я никогда их не разубеждаю. Наоборот, чем больше они ощущают свое превосходство, тем легче мне взять над ними верх.

– Глэдни Хэллоран, жулик ты этакий! – смеясь, воскликнул Дженкинс. – Не понимаю, как ты до сих пор жив? Ты слишком добр и благороден, чтобы заниматься на ярмарках облапошиванием людей.

– А тебе никогда не приходило в голову, что именно поэтому я и преуспел в своем деле? Вспомни только, как я тогда тебя выручил.

– Еще как помню, Глэд. Без тебя бы я пропал, – согласился Дженкинс. – Эти ребята вцепились в меня мертвой хваткой. Я бы наверняка спустил им и свой пароход, и весь свой выигрыш, если бы ты не вступил в игру. Моим старым глазам было приятно на тебя смотреть.

– А уж какое я в тот день получил удовольствие, и говорить не приходится. Величайший день в моей стремительной и противозаконной карьере, – весело отозвался Глэдни.

– Скажи-ка мне, Глэд, каким ветром занесло тебя ко мне на пароход? Снова собрался плыть с нами в Новый Орлеан?

– На сей раз нет, хотя, признаться, я был бы не прочь, – ответил Глэдни. – Стоило мне ступить на палубу этого старого корыта, как мною овладела ностальгия. Будь моя воля, остался бы на его борту до конца своих дней.

– Значит, ты пришел ко мне в гости. Очень мило с твоей стороны, Глэд.

– Гм... Ну, не только за этим, – смущенно проговорил молодой человек. – Я привел с собой двух своих друзей. Мне хотелось бы накормить их самым восхитительным ужином, который могут предложить на пароходке, бороздящем воды Огайо. А лучший ужин, чем на «Королеве Огайо», мне вряд ли где еще предложат. Вот я и решил к тебе заглянуть. Ну как, не станешь нас прогонять?

– Ну о чем ты говоришь! Ты же знаешь, что ты всегда мой самый желанный гость, – радушно отозвался капитан Дженкинс. – Мало того, я усажу вас за свой стол. А кто эти твои друзья?

– Генри Хокинс собственной персоной и его внучка Ребекка.

– Генри Хокинс? Что-то знакомое... По-моему, я где-то слышал это имя.

– Не сомневаюсь. Несколько лет назад имя этого жокея гремело и у нас в Штатах, и в Англии.

– Ну конечно же! Хок! Я и сам выиграл пару долларов, поставив на него. Так ты говоришь, он пришел с внучкой?

– Такого очаровательного создания ты еще не видел и вряд ли когда-нибудь увидишь, кэп, – сказал Глэдни и сам поразился тому, насколько искренне прозвучал его голос.

– Ого! – бросил Дженкинс и искренне расхохотался. – Должно быть, она настоящая красавица, если ей удалось поразить твоё воображение.

– Ты совершенно прав, – согласился Глэдни, чувствуя, как кровь приливает к щекам. – Так что, сам понимаешь, ужин мне нужен первоклассный. – И он застенчиво улыбнулся.

– Не беспокойся, Глэд. Все будет в лучшем виде, даю тебе слово. Я сам схожу на камбуз и переговорю с коком.

– Да, и еще вот что, кэп. Сделай мне одолжение, не издевайся во время ужина над моим ирландским акцентом. Хок с внучкой еще не слышали, чтобы я говорил на нормальном английском языке, и я не хочу, по крайней мере пока, чтобы они знали, что я умею это делать.

– Боже правый, Глэд! Не собираешься ли ты их облапошить? – испуганно вскричал Дженкинс. – На своем пароходе я этого не потерплю.

– Нет-нет, – поспешно заверил его Глэдни. – Дело в том, что сегодня днем я выиграл приличную сумму на скачках, поставив на двуколку Хокинсов, и решил пригласить их в благодарность за это на ужин. Но эта пара меня чем-то заинтересовала, хотя не пойму, чем именно. Мне кажется, они что-то скрывают, и я не успокоюсь до тех пор, пока не раскрою их тайну. Первым делом мне хотелось бы познакомиться с их наездником. Что-то он уж слишком застенчив, не в пример всем тем наездникам, с которыми мне доводилось сталкиваться. Так что, если придется немного пожульничать для того, чтобы разузнать как можно больше о Хокинсах, кэп, я на это пойду. Надеюсь, ты меня не выдашь?

– И не подумаю, дружище, – заверил Дженкинс, и глаза его озорно блеснули. – Веди своих гостей в салон, а я пойду позабочусь о том, чтобы их накормили по-королевски. Однако, – тут Дженкинс предостерегающе поднял палец, – если ты попытаешься заплатить за ужин, Большой Сэм вышвырнет тебя прямо в реку.

– Нечего пугать меня Большим Сэмом. Ты видел когда-нибудь, чтобы я отказался от дармовщины?

– Что верно, то верно, – сказал Дженкинс и, взглянув на свои карманные часы, добавил: – Сегодня у нас на пароходе будет музыка. – Он наклонил голову, прислушиваясь, и Глэдни, последовав его примеру, тоже услышал из салона приглушенные звуки. – Уже играют.

Внезапно Глэдни пришла в голову мысль.

– Кэп, – обратился он к Дженкинсу. – Может, попросишь оркестр сыграть «Мой старый добрый Кентукки», когда мы будем входить в салон, а?

Капитан Дженкинс хмыкнул.

– Ах ты, ирландский хвастунишка! Надеюсь, старик Хокинс знает, что делает, когда позволяет тебе крутиться возле своей внучки.

И он ушел, все еще посмеиваясь, чтобы отдать распоряжения насчет ужина, а Глэдни поспешил обратно к Хоку и Ребекке. Он нашел их все там же, на палубе. Они, раскрыв рот, внимали рассказам Большого Сэма.

– ...да, мэм, – заливался тот соловьем, – и тут я почувствовал, что эта веревка обвивается вокруг моей шеи. Пятнадцать или двадцать белых почему-то вбили себе в башку, что меня нужно повесить за что-то, чего я не делал. Я пытался сказать им, что меня в тот вечер даже не было в городе, что я работал здесь, на пароходе, но они мне не поверили. Они сказали, что ту белую леди убил большой ниггер, а уж крупнее меня они никого в жизни не видели.

И вот, когда они уже хотели стегнуть кнутом лошадь, чтобы выбить у меня из-под ног коляску, на которой я стоял, а меня оставить болтаться в петле, примчался миста Глэдни. В руке он держал коробку с динамитом, из которой во все стороны разлетались искры. И миста Глэдни закричал, что, если сейчас меня не отпустят, он подорвет всех к чертовой матери. А еще он им тоже сказал, что я этого не делал.

– И что случилось потом? – спросила заинтригованная Ребекка.

Большой Сэм улыбнулся:

– Все эти белые побелели еще больше, вот как миста Глэдни сумел их напугать! Они разбежались в разные стороны, а про меня и думать забыли. А миста Глэдни спокойненько так подошел к коляске и снял с моей шеи веревку. А коробку с динамитом так и не выпустил из рук, будто это просто какая-то зажженная сигара. «Джентльмены, – сказал он, – отойдите-ка все подальше и дайте нам с моим другом вернуться на наш пароход, а не то я сейчас брошу эту штуку, и у вас у всех мозги вылетят».

Признаюсь уж вам, мэм, что я и сам испугался до полусмерти. Динамит-то вот-вот взорвется! А миста Глэдни и ухом не ведет. Наконец я не выдержал и говорю ему: «Миста Глэдни, может, пора уже бросить этот динамит? Подержали – и будет».

А миста Глэдни как рассмеется и говорит: «Большой Сэм, да какой же это динамит? Это просто пучок веревки». И он стал так хохотать, что у него из глаз слезы потекли. И то верно, здорово он провел этих белых!

– А признайся-ка, Большой Сэм, отличная была картина, когда они стояли кружком и ждали, что сейчас взорвутся, – заметил Глэдни, выходя из тени, где стоял, дожидаясь, пока негр закончит свою душеспасительную историю.

– Это вы, миста Глэдни? А я тут только что рассказывал вашим друзьям, как вы спасли мне жизнь.

– Я слышал, – сухо бросил Глэдни. – А теперь я им расскажу, какой ты большой вун, Сэм Тэлли.

– Да ладно вам, миста Глэдни, – ухмыльнулся ничуть не обескураженный Большой Сэм. – Должен же я был чем-то развлекать ваших друзей, чтобы им не было скучно?

– Верно, Большой Сэм, и я тебе премного за это благодарен. А теперь, мистер и мисс Хокинс, прошу следовать за мной. Я договорился с капитаном насчет ужина.

– Но все-таки, Большой Сэм все это придумал, чтобы нас развлечь, или эта история произошла на самом деле?

Глэдни обаятельно улыбнулся.

– Какое это имеет значение? Ведь вам было нескучно, и это самое главное.

Ребекка во все глаза смотрела на человека, который вел их по палубе. История спасения Большого Сэма (а Ребекка подозревала, что она соответствует действительности, разве что немного приукрашена) подтверждала, что Глэдни – храбрец. Однако человека, который надул пятнадцать вооруженных людей, пригрозив взорвать их всех обыкновенной веревкой, можно было назвать не только храбрым, но и рискованным малым. Похоже, он способен на безрассудство, даже если при этом подвергает себя опасности. Этот Глэдни Хэллоран – самый занимательный и необыкновенный человек, с которым ей когда-либо приходилось встречаться, решила Ребекка.

– Ну и как? – поинтересовался Глэдни, остановившись у дверей салона.

Ребекке еще никогда не доводилось бывать на таком шикарном пароходе. Она много раз переплывала реку на пароме и лодках, предназначенных для перевозки пассажиров, а до Англии добиралась на относительно комфортабельном судне, но все это не шло ни в какое сравнение с тем, что она сейчас увидела. В таком огромном и роскошном салоне Ребекке еще никогда бывать не приходилось. С потолка свисало полдюжины хрустальных люстр, а еще дюжину было встроено в обшитые панелями стены салона, ярко освещая его. Пол был покрыт пушистым мягким голубым ковром, а на каждом столе стояли тарелки из великолепнейшего фарфора, бокалы и рюмки из тончайшего хрусталя и лежали до блеска начищенные серебряные приборы. Но на этом неожиданности не кончились.

Когда они вошли в салон, произошло нечто невероятное. В дальнем конце салона играл оркестр. Внезапно он оборвал мелодию на самой середине и принялся играть «Мой старый добрый Кентукки». А сидящие за столиками все как один повернулись к вошедшим и начали громко им аплодировать.

– Что это с ними? – спросила Ребекка, в замешательстве глядя на Глэдни.

– Это они аплодируют Пэдди Бою, выигравшему сегодня скачку, – объяснил Глэдни, – и выказывают уважение вашему дедушке, который представлял Кентукки на скаковых дорожках всего мира и делал это просто великолепно.

Ребекка пристально взглянула на Глэдни – не смеется ли он над дедушкой. Однако похвала молодого ирландца прозвучала совершенно искренне, и Хок, услышав ее, так и просяял. Глядя на него, и Ребекка расплылась в улыбке. Она чувствовала, что Глэдни заранее подстроил всю эту сцену, и была ему за это благодарна.

Глэдни провел Ребекку с Хоком к их столику. Как только они уселись, к ним подошел метрдотель.

– Добрый вечер, мистер Хэллоран, – поздоровался он. – Капитан передает вам всем привет и надеется, что вы будете чувствовать себя здесь как дома. Он взял на себя смелость сам сделать для вас заказ. – Метрдотель щелкнул пальцами, и перед изумленными Ребеккой и Хоком, словно по волшебству, появилось ведро, в котором охлаждалось шампанское. – Желаю приятно провести время.

И Ребекка не замедлила претворить в жизнь это пожелание. Никогда еще за свою двадцатилетнюю жизнь ей не доводилось сидеть в таком роскошном месте и наслаждаться такой изысканной едой. Ей казалось, что она очутилась в волшебной сказке, в каком-то воображаемом мире сладких грез. Ребекка чувствовала себя совершенно счастливой. Голова слегка кружилась и от выпитого шампанского, и от того, что с ней происходило. Хотя она вела непринужденную беседу с Глэдни, смеялась над его шутками именно тогда, когда это было уместно, если бы ее спросили, о чем он говорит, она не смогла бы ответить: великолепие сказочной страны, в которой она пребывала, всецело поглотило ее.

Но всему на свете приходит конец. Прошло совсем немного времени – Ребекке вообще показалось, что они не просидели за столом и нескольких минут, – и вот уже появились первые признаки того, что этому волшебному вечеру скоро наступит конец. Дедушка начал позевывать, явно намекая на то, что устал и что пора и честь знать. А увидев, что его намеки не производят должного впечатления, Хок, несколько раз громко откашлявшись, наконец высказался:

– Бекки, уже поздно, и я устал. Сегодня был длинный день, девочка моя.

– Хорошо, дедушка, сейчас пойдем, – ответила Ребекка.

– Может быть, перед уходом мы с вами прогуляемся по палубе? – с надеждой в голосе предложил Глэдни.

– С удовольствием! – воскликнула Ребекка. – Можно, дедушка?

– Вы, молодежь, идите, – разрешил Хок, – а я посижу здесь и подожду вас.

– Ты и в самом деле не хочешь с нами пройтись по палубе, дедушка?

– Нет, конечно, – бросил Хок и, вытащив из кармана сюртука портсигар, достал из него сигару. – Идите, молодые люди, развлекайтесь, а я пока покурю.

На палубе было прохладно и темно. Глэдни взял Ребекку под руку, они стали прогуливаться, глядя на темные блестящие воды реки. Неподалеку кто-то играл на банджо, и незамысловатая, однообразная мелодия показалась Ребекке самой сладкой музыкой на свете. Ребекка с Глэдни подошли к перилам несколько минут постояли, молча глядя вниз. Ребекка вздрогнула.

– Вам холодно? – заботливо спросил Глэдни.

– Не очень.

Глэдни поспешно снял с себя куртку.

– Вот, набросьте на плечи, согреетесь.

Ребекка повернулась к нему, Глэдни набросил ей куртку на плечи. И в этот момент Ребекка с удивлением поняла (хотя не знала, отчего на нее нашло это озарение), что Глэдни собирается ее поцеловать. Но еще больше ее поразило то, что она и не пытается возражать.

Притянув Ребекку к себе, Глэдни приник к ее губам. Сначала поцелуй был нежным, даже несколько робким, но, видя, что Ребекка и не думает отстраняться, Глэдни осмелел. Внезапно Ребекка словно очнулась и начала вырываться. Но чем сильнее она сопротивлялась, тем настойчивее становился Глэдни, и в конце концов Ребекка сдалась на милость победителя.

В ту же секунду с ней произошло нечто странное. Страх, который она поначалу испытывала, сменился любопытством, удивление – наслаждением. Приятное чувство пронзило Ребекку, когда Глэдни раздвинул ей губы и проник языком в сладостную влажность ее рта. Нечаянный стон сорвался с ее губ, тело, охваченное огнем желания, какого ей еще не доводилось испытывать, затрепетало. А потрясающий поцелуй все продолжался, и казалось, ему не будет конца. Ребекка и не представляла, что он может быть таким долгим. Голова ее сладко закружилась, все мысли улетучились, и она всецело отдалась только что познанному волшебному чувству.

Наконец Глэдни разжал объятия и отступил на шаг. Ребекка почувствовала, как у нее подкосились ноги, ставшие вдруг будто ватные, и ей пришлось ухватиться за перила, чтобы не упасть.

– Простите меня, – произнес Глэдни, тяжело дыша. – Прошу вас, малышка, не обижайтесь за то, что я так на вас набросился. Даже не знаю, что это на меня нашло.

– Это я... я не знаю, что на меня нашло, – возразила Ребекка и на секунду задержала дыхание, пытаясь унять гулко стучащее сердце. – Настоящая леди должна в таких случаях кричать или что-то еще делать... но, видно, настоящей леди из меня не получится. Прошу вас, мистер Хэллоран, отведите меня к дедушке.

– Конечно, – согласился Глэдни. – Пойдемте.

– Капитан Дженкинс! – послышался в этот момент с нижней палубы чей-то голос. – Капитан Дженкинс! Быстрее! Сюда!

– Что там случилось? – забеспокоилась Ребекка. – Почему этот человек так кричит?

– Не знаю, – ответил Глэдни. – Может, пойдём посмотрим?

Они быстро спустились на нижнюю палубу. Сделав несколько шагов, Ребекка остановилась как вкопанная: она увидела нечто, по форме напоминавшее человеческое тело. Его, похоже, только что вытащили из реки, поскольку с него все еще стекала вода.

– Ребекка, не смотрите! – закричал Глэдни и поспешно встал перед девушкой, чтобы она не увидела неприятное зрелище.

Поздно! Ребекка уже все поняла.

– Не нужно, мистер Хэллоран, – убийственно спокойным тоном произнесла она. – Я поняла, что это такое. Я даже знаю, кто это. Это Тимми Берд, наездник Оскара Сталла. Он ведь мертв, верно?

Глава 3

В ту ночь Ребекка спала урывками. Бедняга Тим Берд не шел у нее из головы. Бесформенная грудa, в которую превратилось тело несчастного наездника, стекающая на деревянную палубу темная, как кровь, вода так и стояли у нее перед глазами. Ребекка не смогла бы сказать, гнал ли пережитый ужас сон или, наоборот, ее сон был полон этим кошмаром. Но, так или иначе, за ночь она совсем не отдохнула и утром чувствовала себя настолько разбитой, словно и не ложилась.

Несмотря на это, Ребекка с радостью встретила рассвет: в утреннем свете ужас, который она пережила, начал постепенно отступать. А когда совсем рассвело, Ребекка встала и отправилась на конюшню к Пэджи Бою и Черному Принцу.

В конюшне еще царил полумрак, однако уже собралось довольно много народу: тренеры, наездники и владельцы лошадей. И все они обсуждали трагическую смерть Тимми Берда. Никто не сомневался, что жокей был убит, – дошли слухи, что он умер от выстрела в затылок.

Все присутствующие были полны негодования. Как же так? Их товарища убили и бросили в реку, как какую-то деревяшку! И все сошлись на том, что «кто-то должен что-то сделать», не уточняя, однако, кто и что именно. Люди, хорошо знавшие Берда и едва с ним знакомые, говорили о том, каким он был прекрасным человеком и как ужасно, что он умер.

Конечно, Ребекка понимала, что на самом деле их не так уж волнует Тим Берд. Просто его смерть напомнила им о бренности человеческого существования, и именно это заставило присутствующих – по крайней мере большую их часть – произносить в честь убитого жокея столь пламенные хвалебные речи.

Эти бесконечные разговоры на одну и ту же тему подействовали на Ребекку так же угнетающе, как недавний сон. Поэтому, когда она оседлала Черного Принца и вывела на скаковую дорожку немного размяться, сделала это больше для себя, чем для него.

Черный Принц был великолепным черным как вороново крыло жеребцом с необыкновенно длинным более светлым хвостом. Сложен он был безупречно, без единого изъяна. Это было видно невооруженным глазом, даже когда Черный Принц стоял на месте. Когда он шел шагом, то уже обращал на себя общее внимание, а уж если переходил на галоп, вызывал у всех, кто за ним наблюдал, не меньше чем благоговение. С необыкновенной легкостью он мог развить потрясающую скорость. Его длинные изящные ноги мелькали с ослепительной быстротой.

Ребекка чувствовала, как напряжено животное, и понимала: жеребцу не терпится помчаться вперед, и не делает он этого только потому, что она не позволяет.

– Принц, милый ты мой, я знаю, как тебе хочется побегать, – ласково сказала Ребекка, поглаживая коня по шее. – Но я не могу тебе этого разрешить. Пока не могу. Ты же знаешь, что мы с дедом задумали, я ведь часто тебе об этом рассказывала.

Черный Принц заржал, словно понимал, о чем говорит его хозяйка, но не мог с этим смириться.

Ребекка внимательно огляделась. Они с Черным Принцем были на скаковой дорожке одни, к тому же находились на приличном расстоянии от конюшни, так что вероятность посторонних глаз сводилась к минимуму.

– А собственно, почему бы нет? – запальчиво воскликнула она. – Дедушки здесь нет, и он ничего не узнает. Давай, Принц, разомнемся хорошенько.

Ребекка направила Черного Принца к линии старта, там остановилась и на несколько секунд застыла неподвижно, мысленно готовясь к предстоящей скачке. А воображение услужливо перенесло ее с этой невзрачной скаковой дорожки провинциальной ярмарки на новехонький ипподром, выстроенный в Луисвилле, штат Кентукки. Трибуны его до отказа заполнены

вопящими от восторга зрителями. Вдоль скаковой дорожки столпились любители конного спорта. Громкими криками подбадривают они Черного Принца.

Ласково погладив лошадь, Ребекка тихонько прошептала:

– Давай покажем им, на что ты способен, Принц! – И, прищипнув коня, крикнула: – Пошел, Принц! Пошел!

И в ту же секунду Черный Принц рванулся вперед, вылетев за линию старта, словно снаряд из пушки, и почти сразу набрал максимальную скорость. Пригнувшись к самой холке, Ребекка крепко сжимала в руках поводья и смеялась. Она чувствовала, как ветер свистит в ушах, обвеивает разгоряченное лицо, и ей казалось, что они с Черным Принцем составляют одно целое, что у них одно тело, общие кровеносные сосуды. Они прошли первый круг, как показалось Ребекке, за одну секунду. Копыта лошади гулко стучали по утоптанной скаковой дорожке, взметая клубы пыли. На втором круге Ребекка позволила Черному Принцу развить еще большую скорость, и на какую-то долю секунды ей показалось, что лошадь вот-вот оторвется от земли и взлетит.

У скаковой дорожки, облокотясь руками о заграждение, стоял почти неразличимый в тусклом утреннем свете высокий стройный молодой человек с чересчур широкими плечами и смотрел, как Ребекка работает с Черным Принцем. У незнакомца были большие темные блестящие глаза, темные прямые волосы, длинные бакенбарды, обрамлявшие красивое смуглое лицо, сильные руки с тщательно наманикюренными ногтями. И в этих руках молодой человек держал секундомер.

Молодого человека звали Стивен Лайтфут. Вначале он наблюдал, как наездник работает со своей лошадью, со сдержанным интересом. Так любой хороший наездник наблюдает за работой другого: мысленно отмечает технические приемы, которые тот использует во время езды, и дает оценку лошади. Но когда Стивен увидел, как жеребец развил предельную скорость, сдержанный интерес уступил место любопытству. Даже с такого большого расстояния было видно, что лошадь, которая во всю прыть неслась по скаковой дорожке, обыкновенной никак не назовешь.

Когда крупный черный конь стрелой промчался мимо столба с отметкой в одну восьмую мили, Стивен нажал на кнопку секундомера, засекая время. Как только скакун преодолел четверть мили, Стивен снова нажал на кнопку. Глянув на шкалу, молодой человек недоверчиво присвистнул. Двадцать четыре и три пятых секунды за четверть мили! Фантастическое время для обычной утренней пробежки!

Что же это за лошадь? И кто наездник?

Только пройдя третий круг, Ребекка заметила, что за ними наблюдает какой-то мужчина и, что самое страшное, в руке он держит секундомер. Значит, незнакомец хочет узнать время, за которое Черный Принц прошел дистанцию. Ребекка понятия не имела, чему равно это время, однако не сомневалась, что Черный Принц показал все, на что способен. А ведь они с дедушкой так хотели, чтобы до поры до времени никто не подозревал об уникальных возможностях питомца!

Ребекка резко натянула поводья, и последний круг Черный Принц проскакал уже легким галопом.

– Почему вы осадили его? – спросил незнакомец, выходя на скаковую дорожку и глядя, как Черный Принц легкой рысью пересекает финишную линию.

Не отвечая, Ребекка спрыгнула с лошади. Девушка была одета в брюки для верховой езды и жокейский камзол, а волосы заправила под жокейскую шапочку. Сдернув шапочку, она тряхнула головой, и по плечам ее рассыпались черные кудри.

Стивен рот раскрыл от изумления:

– Бог мой! Да вы женщина!

– Женщины составляют половину населения всего земного шара, – буркнула Ребекка. – Так чему вы удивляетесь?

– Я еще никогда не видел, чтобы женщина так ездил верхом, – сказал Стивен и взглянул на секундомер. – Я пытался вычислить время, за которое вы прошли все расстояние. Знаете ли вы, что преодолели четверть мили за двадцать четыре с небольшим секунды?

– Разве? – Ребекка сделала круглые глаза. – Боже правый, какой ужас! Я и не представляла, что скачу с такой скоростью. Неудивительно, что я испугалась.

Стивен расхохотался.

– Не знаю, какую игру вы ведете, мисс, но вы вовсе не испугались!

– Нет, испугалась! Именно поэтому я и сбавила скорость. Если дедушка узнает, что Принц скакал так быстро, да еще с больной ногой, он меня убьет! Вы ведь ему не расскажете, правда?

– У этой лошади больная нога? – недоверчиво переспросил Стив. – Бог мой! Если он так скачет на трех здоровых ногах, то как он будет скакать на всех четырех! А насчет того, чтобы кому-то вас не выдавать... – Стивен развел руками. – Я даже не знаю, кто вы и кто ваш дедушка.

– Меня зовут Ребекка Хокинс, а моего дедушку – Генри Хокинс.

– Генри Хокинс? Хок?

– Да. Вы слышали о нем?

– Я слышал о нем, как и все любители конного спорта, – ответил Стивен. – Но не имею удовольствия быть знакомым с ним лично и был бы счастлив, если бы наше знакомство состоялось. Знаете что? Давайте сделаем так. Вы познакомите меня с Хоком, а я никому не выдам вашу ужасную тайну.

– А как я вас представляю, сэр? Я ведь сама не знаю, как вас зовут, – проговорила Ребекка, которой пришлось по душе манеры незнакомца. У нее немного отлегло от сердца. Может, все обойдется?

Стивен застенчиво улыбнулся.

– А ведь верно. Придется признать свою вину. Но я был настолько поражен, что наездник – женщина, и настолько ослеплен вашей красотой, что совсем позабыл о хороших манерах. Прошу простить меня.

Он откашлялся и, сделав шаг назад, отвесил Ребекке изящный поклон.

– Мисс Хокинс, меня зовут Стивен Лайтфут, ваш покорный слуга. К сожалению, у меня нет с собой визитной карточки, но я непременно исправлю это упущение, когда мы с вами встретимся в следующий раз.

Ребекка улыбнулась и поспешно прикрыла рот рукой, чтобы Стивен этого не заметил. Внезапно она почувствовала, что этот мужчина ей нравится. Странно, что за такой короткий период – всего два дня – она познакомилась с двумя молодыми людьми и оба пришлось ей по душе. Наверное, потому, что для нее настало время обращать внимание на мужчин. Об этом Ребекке не раз говорили ее немногочисленные подружки. Как-никак ей уже двадцать лет! Самое время кем-нибудь увлечься.

О господи! Да о чем она только думает! У нее сейчас других забот полон рот, на носу скачки, а она забивает себе голову всякими пустяками, спохватилась Ребекка.

– Вы местный, мистер Лайтфут? – поинтересовалась она, нарушив неловкое молчание.

– Вы имеете в виду, живу ли я в Кейро?

– Да.

– Нет, я из Луисвилла, штат Кентукки. Сюда я приехал, чтобы принять участие в скачках. Однако если уж отвечать на ваш вопрос со всей честностью, должен признаться, что я наполовину индеец. Надеюсь, это вас не пугает?

– Конечно, нет. А почему это должно меня пугать?

На секунду улыбка исчезла с лица Стивена, и на него легла тень. Но, быстро спохватившись, Стивен снова улыбнулся. Улыбка получилась искренней, хотя и не очень веселой.

– Видите ли, существует ряд мест, куда меня не пускают, – пояснил Стивен, – и ряд людей, которые предпочитают держаться от меня подальше, потому что я полукровка. И что особенно нелепо, я даже не могу, когда захочу, купить себе бутылку виски, – добавил он, невесело усмехнувшись.

– Но почему? – спросила Ребекка. – Чем вы отличаетесь от других людей?

Стивен не сразу понял, что этот вопрос Ребекки продиктован наивностью, а поняв, принялся хохотать. Он хохотал так весело, что Ребекка даже обиделась и не сочла нужным этого скрывать.

– Мисс Хокинс, не обижайтесь, – попросил Стивен, вытирая выступившие от смеха слезы. – Я смеялся вовсе не над вами. Просто приятно видеть, что есть люди, начисто лишены предрассудков, и вы относитесь к их числу. Похоже, вы понятия не имеете, что продавать индейцам или полукровкам алкогольные напитки запрещено законом. Как было бы хорошо, если бы все люди были такими, как вы! Еще раз прошу прощения за свой смех. Вы неверно поняли его причину.

– Хорошо, мистер Лайтфут, я принимаю ваше извинение, – сказала Ребекка. – Вы правы, я и не знала...

– Бекки! – послышался у нее за спиной мужской голос. Обернувшись, Стивен с Ребеккой увидели, что к ним со стороны конюшни направляется, прихрамывая, Генри Хокинс.

– Это ваш дедушка?

– Да, – ответила Ребекка и умоляюще взглянула на Стивена. – Пожалуйста, не говорите ему, что я пустила Принца во всю прыть.

– Даю вам честное слово, – беззаботно пообещал Стивен. – Познакомьте меня с вашим дедушкой, и я никому не выдам вашу тайну.

– Ты проводишь слишком много времени с Черным Принцем, девочка, и совсем забросила Пэдди Боя, – недовольно заметил Хок, подходя к Ребекке. – А ведь это Пэдди Бой будет участвовать в нынешних соревнованиях, а не Черный Принц.

– У вас есть еще один чистокровный жеребец? – удивился Стивен.

– У нас есть иноходец, которого мы выставляем на соревновании двуколок, – поспешно пояснила Ребекка и, заметив, что дедушка с подозрением смотрит на Стивена, представила его: – Дедушка, это Стивен Лайтфут. Он утверждает, что он дикий индеец.

– Дикий индеец, говоришь? Я бы поостерегся так представляться, – заметил Хок.

– Ваша внучка просто надо мной издевается, поверьте, – улыбнулся Стивен. – Я лишь вскользь упомянул в разговоре, что я наполовину индеец. Но зато наездник чистокровный, – с гордостью прибавил он. – Потому-то я так счастлив с вами познакомиться, сэр. Я много о вас слышал.

Стив сказал это так искренне, что все подозрения Хока относительно него растаяли как дым. Взяв протянутую Стивеном руку, он тепло пожал ее.

– Так вы говорите, что у вас есть иноходец? Значит, вы собираетесь принимать участие и в состязаниях двуколок, и в конных состязаниях?

– Нет, – поспешно ответил Хок. – Мы будем участвовать только в соревнованиях двуколок.

– А как же это великолепное создание? – поинтересовался Стивен, указывая на Черного Принца. – Потрясающий конь! Я бы с удовольствием вызвал его на состязание, но боюсь, что проиграю и лишусь собственного рысака.

Хок расхохотался.

– Это уж точно. Но не беспокойтесь, я не собираюсь выставлять Черного Принца ни на скачках, ни против вашей лошади. Он еще молод. Когда-нибудь он покажет, на что способен,

но пока я предпочел бы им не рисковать. Мало ли что может случиться? Вдруг он повредит ногу?

Взглянув исподтишка на Ребекку, Стивен ухмыльнулся во весь рот и лукаво ей подмигнул. Ребекка мгновенно вспыхнула и отвела взгляд.

– Как я понял, вы собираетесь принять сегодня участие в скачках? – спросил Стивена ничего не заметивший Хок.

– Непременно! – порывисто воскликнул Стивен. – Я буду скакать на своем чистокровном жеребце Брайт Мон. Если вы рискнете поставить на него доллар, обещаю, вы не пожалеете. Брайт Мон выиграет.

– Что ж, мистер Лайтфут, скромностью вы, похоже, не страдаете, – съязвила Ребекка. Замечание было несправедливым, и Ребекка это понимала, однако ей очень хотелось отплатить Стиву за ухмылку, что она и сделала.

– Ну что вы, мисс Хокинс, какое же это отсутствие скромности? Это просто уверенность в том, что Брайт Мон выиграет. Я лично здесь совершенно ни при чем. Надеюсь, вы на меня не обиделись?

– Конечно, нет, – резко бросил Хок и хмуро взглянул на Ребекку. – А тебе, девочка, пора бы научиться различать, когда человек хвастается своей лошадью, а когда уверен в ее победе.

Ребекка снова вспыхнула. Конечно, дедушка прав. Нечего было соваться со своими высказываниями. Но ведь у нее и в мыслях не было задеть Стивена Лайтфута. Просто Ребекке хотелось чуть-чуть подколоть его. Но похоже, она перестаралась, вот и сказала не то, что следовало.

– Пойду отведу Черного Принца на конюшню, – смущенно пробормотала она и застенчиво взглянула на Стивена. – Прошу меня простить, если наговорила лишнего. Вчера я познакомилась с одним пренеприятнейшим человеком, ужасно самодовольным и самонадеянным. Наверное, поэтому и углядела самонадеянность там, где ее и в помине нет.

– А как зовут этого человека? – поинтересовался Стивен. – Надо будет непременно с ним познакомиться.

– Я бы вам этого не советовала. Он просто отвратительный, – поморщилась Ребекка. – А зовут его Оскар Сталл.

– Оскар Сталл? Я о нем слышал, хотя сам с ним не знаком. Его репутация немного подвывает, простите, мисс Хокинс, за грубое выражение. А тот наездник, которого вчера убили, – он ведь, кажется, работал на Сталла?

– Работал, – отозвался Хок.

– Так я и думал. Говорят, что этот Сталл уже нанял на сегодняшние скачки нового наездника. Уму непостижимо, как ему удалось так быстро найти убитому замену. А кто ваш наездник, мистер Хокинс?

– Один молодой человек, невероятно застенчивый, – привычно пояснил Хок. – Из тех, что во время скачек не любит ни с кем общаться.

– Никогда таких наездников не видел, – признался Стивен. – Но это, естественно, его право. Пожелайте ему удачи от моего имени. А сейчас мне пора. Нужно сходить на конюшню, посмотреть, как там моя лошадь. – И Стив учтиво поклонился Ребекке. – Надеюсь увидеться с вами обоими позже.

Ребекка с Хокинсом провожали взглядом Стивена Лайтфута, пока он не скрылся из виду, а затем повели Черного Принца на конюшню.

– Какой приятный молодой человек, этот Стивен, – заметил Хок.

– Только немного развязный.

– Послушай, а он, случайно, не приставал к тебе? – забеспокоился Хок.

– Нет-нет, – поспешила успокоить деда Ребекка, улыбнувшись его страхам. – Он ничего плохого мне не сделал, правда-правда!

– Ну, если ты в этом уверена, – с сомнением произнес Хок. – Смотри-ка! А это не Глэдни Хэллоран?

– Где? – заинтересовалась Ребекка и обернулась.

– Да вон там, в конце конюшни. Видишь, там, где стол стоит и толпится народ. Интересно, что они все там делают?

– Дедушка, может, ты один отведешь Черного Принца? – спросила Ребекка, вкладывая вожжи Хоку в руку. – А я подойду к мистеру Хэллорану. Надо же мне поблагодарить его за чудесный вчерашний ужин.

– Хорошо, иди, девочка. Только не забудь, что сегодня скачки. До начала осталось не так уж много времени. Наш наездник должен быть готов.

– Он и будет готов, не волнуйся, – улыбнулась Ребекка. Хок повел Черного Принца на конюшню, а Ребекка направилась к Глэдни Хэллорану. Тот стоял у небольшого складного столика и втолковывал что-то сгрудившимся вокруг мужчинам. Ребекку он не заметил, и она была этому только рада: можно будет без помех посмотреть, чем тут занимается Глэдни.

– Ну что, друзья? Кто желает сделать ставку? Давайте, не робейте! Все проще пареной репы. Нужно только сказать, под какой скорлупкой находится горошина, – и все, выигрыш ваш. Ставьте один доллар – кладете себе в карман два, – объяснял Глэдни собравшимся.

– Вы хотите сказать, что за один доллар можно получить два? – удивился кто-то из зрителей.

– Ну да, об этом и речь. Игра пустяковая, выеденного яйца не стоит. Так что пользуйтесь моей добротой, делайте ставки. Выиграть – раз плюнуть.

Все время, пока Глэдни говорил, он, не переставая, двигал по столу три половинки скорлупок. Время от времени он поднимал одну из них, показывал зрителям лежавшую под ней горошину, после чего снова принимался возить по столу скорлупки, да так быстро, что они только перед глазами мелькали.

Ребекка стояла в толпе, стгоя от ярости. Меньше всего она ожидала, что Глэдни Хэллоран окажется обычным игроком в скорлупки! Пока Глэдни занимался привычным для себя делом – облапошиванием простодушных зевак, Ребекка чувствовала, что все ее розовые иллюзии относительного этого молодого человека обращаются в прах. Еще вчера Глэдни был в ее глазах почти героем: он не побоялся вызвать на поединок такого огромного детину, как Оскар Сталл! Позже, вечером, после того как Ребекка увидела, с каким уважением относятся к нему на борту «Королевы Огайо», и послушала рассказ Большого Сэма о подвигах молодого ирландца, Глэдни стал и вовсе казаться ей рыцарем на белом коне. Она настолько увлеклась им, что даже позволила ему себя поцеловать!

А оказывается, он простой игрок в скорлупки... Ребекке было больно и обидно. Как же она могла позволить вскружить себе голову такому человеку? Она хотела повернуться и уйти – неприятно было наблюдать за всем этим мошенничеством, – но, странное дело, ноги словно к земле приросли. Похоже, и в новом качестве Глэдни Хэллоран продолжал притягивать Ребекку.

И она стала смотреть, что будет дальше.

– Ну-ка ты, парень, – обратился Глэдни к парнишке лет шестнадцати, стоявшему в первом ряду. – Думаю, глаз у тебя острый. Покажи-ка им всем, на что ты способен.

– Да у меня денег нет, – пробормотал парень.

– Это ничего, мой мальчик, – вкрадчивым голосом произнес Глэдни. – Ты будешь моим ассистентом, и если глаз у тебя и в самом деле такой острый, как мне кажется, ты выиграешь двадцать пять центов, не ставя ничего на кон. Идет? Ну давай, не робей, малыш. Ты ведь ничего не теряешь.

– Ладно, давайте попробуем, – охотно согласился парнишка.

– Ну вот и хорошо, – одобрил Глэдни и, положив на стол горошину, накрыл ее пустой скорлупкой грецкого ореха. – А теперь гляди в оба.

И Глэдни принялся проворно двигать скорлупки по столу. Чувствовалось, что занимается он этим отнюдь не в первый раз. Наконец он остановился.

– Ну, где горошина, парень?

– Вон под той скорлупкой, – быстро предположил паренек, ткнув пальцем посередине.

Глэдни поднял скорлупку: горошина и в самом деле лежала там.

– Молодец, выиграл! – воскликнул он. – Глаз – алмаз!

– Подумаешь, дело какое! – презрительно фыркнул хорошо одетый толстяк, внимательно следивший за игрой. – Я все время знал, где лежит эта чертова горошина!

– Да ну? – хмыкнул Глэдни, глядя на толстяка невинными глазами. – Может, сыграете со мной, сэр?

– Нет, – отказался толстяк. – Я еще немного посмотрю, если не возражаешь.

– Я никогда не возражаю против зрителей, – заметил Глэдни. – В моем деле чем больше народу, тем лучше. Ну, кто хотел бы со мной сыграть?

– Я.

Вперед вышел высокий худой мужчина в комбинезоне и красной фланелевой рубашке. Видно было, что человек этот хорошо потрудился в своей жизни, видел и нужду, и лишения.

– Я вижу, вы человек рабочий, – сказал Глэдни. – Доллар для вас – деньги немалые. Вы уверены, что хотите рискнуть ими, сэр?

– Уверен, – ответил мужчина. – Я целый год дождался этой ярмарки и хочу немного погулять. На один доллар, конечно, особо не разгуляешься, но на три можно отлично провести время. – Он от души расхохотался, и стоявшие рядом тоже заулыбались.

– Так, значит, вы уверены? – еще раз спросил Глэдни, внимательно глядя на мужчину.

– В чем дело, приятель? Боишься, что глаза у меня окажутся слишком острыми? – насмешливо бросил работяга и оглядел собравшихся, ожидая от них реакции на свою шутку.

– Хорошо, дружище. Клади свой доллар на стол и смотри за горошиной. Приготовились... Начали!

«О господи! – ужаснулась Ребекка. – Неужели он собирается отнять у этого бедолаги последний доллар? Ну, если он только посмеет это сделать, я ему тотчас же выложу все, что о нем думаю!»

Решив, что уже достаточно, Глэдни остановился и вопросительно взглянул на игрока.

– Здесь! – торжествующе воскликнул тот, ткнув в скорлупку длинным заскорузлым пальцем.

Глэдни поднял скорлупку: горошина лежала под ней. Зрители заохали, заохали, выражая искреннее сочувствие Глэдни, которому так не повезло.

– У тебя тоже исключительно зоркий глаз, приятель, – со вздохом констатировал Глэдни. – Что уж тут поделаешь. – И он вручил победителю два доллара.

– Спасибо, мистер, – так и просиял работяга, беря деньги. – Уж я найду, как ими распорядиться, помяните мое слово. – И, положив выигрыш в карман, он отошел от столика.

– Я и сейчас знал, где спрятана горошина, – снова подал голос толстяк.

– Вот как? Может, сыграем, сэр?

– Нет, – снова отказался тот.

Нашелся еще один желающий сыграть. Одну игру он выиграл, вторую проиграл. Когда мужчина проиграл, из толпы раздались смех и шуточки.

– Ну, он тебя одолел, Пит! – крикнул кто-то.

– А меня нет, – самодовольно бросил толстяк. – Я все время знал, где лежит горошина.

На этот раз Глэдни не обратил на него внимания. Снова положив горошину под скорлупку, он принялся быстро двигать их по столу. Все наблюдали за ним, однако играть желаю-

щих не находилось. Руки Глэдни двигались с быстротой молнии. Наконец он прекратил свои манипуляции и только собрался перевернуть скорлупки, как послышался возглас:

– Подожди! Я хочу сделать ставку!

Это был все тот же неугомонный толстяк.

– Вы должны были делать ставку, прежде чем я начал, – с беспокойством проговорил Глэдни.

Толстяк самодовольно улыбнулся и оглядел собравшихся.

– А теперь, – торжествующе бросил он, – вы все увидите, как я выведу этого мошенника на чистую воду. Да что же это такое? Когда никто не делает ставок, он оставляет горошину под скорлупкой, а когда кто-то соглашается играть, прячет ее в руке. Это просто мошенничество, вот что я вам скажу!

Глэдни негодуя выпрямился.

– Вы меня оскорбляете, сэр!

– Если этот парень мошенничает, – послышался голос из толпы, – то не очень-то в этом преуспел. Он же проиграл в десять раз больше, чем выиграл, это точно!

– Это он все специально подстроил. Я вам говорю, что он мошенничает, – стоял на своем толстяк. – И я могу это доказать прямо сейчас.

– И как вы это сделаете? – спросил один из присутствующих.

Толстяк взглянул на Глэдни и хитро улыбнулся.

– Если он не согласится сейчас со мной играть, значит, он жульничает!

На лице Глэдни отразилось замешательство.

– Но это против правил. Вы должны были сделать ставку, прежде чем я начал двигать скорлупки.

– Вот видите! – торжествующе закричал толстяк. – Я тебя поймал! Ты не думал, что кто-то будет с тобой играть, вот и оставил горошину под скорлупкой, а не стал прятать ее в руку. Я знаю, где она находится! Да и все это знают, черт подери! Так что если ты играешь по-честному, то разрешишь мне сейчас сделать ставку!

– Ладно, – махнул рукой Глэдни. – Кладите свой доллар на стол, приятель.

– Нет, сэр. – Толстяк энергично замотал головой и ехидно ухмыльнулся. Сунув во внутренний карман куртки руку, он вытащил оттуда толстую пачку денег и отсчитал несколько купюр. – Ставлю сто долларов! – И он швырнул деньги на столик.

– Сто долларов! – ахнули в толпе. – На какие-то скорлупки!

– Сто долларов против твоих двухсот. Точно так же, как ты играл с другими, – предложил толстяк. – Ну что, идет?

– Ну, не знаю, – замялся Глэдни. – Я играю просто для развлечения. Ставки делаю маленькие, от которых никому никакого вреда, и даже если кто-то и проигрывает, он получает удовольствие от игры. А при такой большой ставке, которую предложили вы, сэр, если проиграешь, тут уж не до смеха будет.

– Или ты соглашаешься, – стоял на своем толстяк, – или признаешь, что мошенничал!

– Что ж, похоже, вы не оставляете мне выбора, – покорно согласился Глэдни. – Под какой скорлупкой лежит горошина, сэр? Выбирайте!

Толстяк самодовольно оглядел собравшихся. Горделиво выпрямившись, он без колебания ткнул пальцем в крайнюю справа.

– Здесь! – заявил он, но, как только Глэдни протянул руку, чтобы перевернуть скорлупку, схватил его за запястье. – Не надо! Я сам переверну.

Толстяк перевернул скорлупку и, даже не посмотрев, есть ли под ней горошина, взглянул на зрителей, ожидая восторженных аплодисментов.

Однако ничего подобного не произошло. Толпа испуганно ахнула. На лице толстяка отразилось замешательство. Глянув на стол, он, к своему ужасу, заметил, что никакой горошины под скорлупкой нет.

– Какого черта! – вскричал он. – Ты спрятал горошину в кулак! Ее нет ни под одной из скорлупок!

Скрестив руки на груди, Глэдни холодно произнес:

– Потрудитесь перевернуть ту скорлупку, что в середине, сэр.

Трясущимися пальцами толстяк перевернул среднюю скорлупку – под ней лежала горошина. По толпе прокатился хохот.

– Ну что, вы согласны с тем, что я выиграл? – повысил голос Глэдни.

– Да, черт тебя дери! Ты выиграл, будь ты неладен!

– И показал этой жирной свинье, чего стоишь! – раздался голос из толпы.

– Спасибо, дружище, – поблагодарил говорившего Глэдни и сгреб со стола деньги.

Вне себя от ярости, толстяк, расталкивая собравшихся, отправился восвояси, преследуемый улюлюканьем и веселым смехом.

Только сейчас, взглянув поверх голов зрителей, Глэдни впервые заметил Ребекку.

– Джентльмены, – обратился он к собравшимся. – Мне доставило огромное удовольствие скоротать с вами время. Большое вам спасибо за компанию. Но скоро начнутся скачки, и пора прекратить игру. Я собираюсь сделать пару ставок на лошадей и не сомневаюсь, что и вы захотите последовать моему примеру. Особую благодарность выражаю последнему игроку, – тут Глэдни широко улыбнулся, – за его необыкновенную щедрость.

Когда зрители разошлись, Глэдни подошел к Ребекке.

– Как вы себя чувствуете этим чудесным ясным утром, мисс Хокинс? – улыбнувшись, поинтересовался он.

– Так вот, значит, каким способом вы зарабатываете себе на жизнь? – ехидно заметила Ребекка.

Глэдни насмешливо взглянул на нее.

– Что такое? Я, кажется, слышу в вашем голосе нотку неодобрения или мне это почудилось?

– Нет, не почудилось!

– А чем вам не нравится мой способ зарабатывания денег, скажите на милость?

– Чем? И вы еще спрашиваете? Неужели и так не ясно? Я встречала людей, подобных вам, на каждой ярмарке и на каждом скачке, куда мы ездили с дедушкой! Я видела, как несчастные простодушные работяги проигрывают свои тяжким трудом заработанные деньги таким, как вы, жуликам! К мошенникам, павшим настолько низко, что они не гнушаются отнимать у честных людей последние крохи, я никогда не испытывала ничего, кроме отвращения! И вот теперь я узнаю, что и вы принадлежите к их числу!

– А в чем, собственно, разница между мной и вами? – спросил Глэдни. – Неужели вы настолько наивны, что полагаете, будто, делая ставки на вашу лошадь, никто не проигрывает? Проигрывают, и значительно большие суммы, чем играя в мою игру.

– Я вам скажу, в чем разница. На скачках выигрывают честно, а в вашей игре, мистер Хэллоран, все зависит от вас. Вы сами решаете, кому выиграть, а кому проиграть.

– Ну и что в этом страшного? Вы же видели того пожилого фермера, который выиграл три доллара. Вам не показалось, что после игры в скорлупки у него заметно поднялось настроение? Если бы я не вел игру по своему усмотрению, он мог бы проиграть свой доллар.

– Значит, вы признаетесь, что все подстроили? – удивилась Ребекка.

– Ну конечно, малышка, признаю. И вовсе не стыжусь этого.

– А вот мне за вас стыдно, – заявила Ребекка и недовольно поджала губы.

– Малышка, малышка, не стоит растрчивать на меня запасы своей стыдливости, – проговорил Глэдни со смиренным вздохом. – Может настать время, когда она вам еще понадобится, и как будет грустно, если все уйдет на такого недостойного человека, как я. Я этого не заслуживаю. – Глэдни явно намеревался рассмешить Ребекку, но та заявила, что это вовсе не смешно.

– В таком случае, малышка, примите мои извинения, – развел руками Глэдни. – Я вовсе не собирался вас обижать. Я хочу, чтобы мы с вами были друзьями. Неужели это невозможно?

Ребекка взглянула на Глэдни – глаза сверкают, на губах уже знакомая усмешка – и почувствовала, что раздражение ее куда-то испаряется. Сменив гнев на милость, она слегка улыбнулась.

– Я не одобряю способа, которым вы зарабатываете себе на жизнь, и никогда его не одобрю, – заявила она, – но не вижу причины, почему бы нам с вами не быть друзьями. Думаю, никакого вреда от этого не будет.

– Вот это другой разговор! – обрадовался Глэдни.

Но кое-что никак не давало Ребекке покоя: ей очень хотелось узнать, как Глэдни удается выигрывать, и она решила его об этом спросить.

– Глэдни... – осторожно начала она.

Услышав, что Ребекка назвала его по имени – это случилось впервые! – Глэдни так и расцвел.

– Да, Ребекка?

– Расскажите мне, как вы это делаете? Как вы надули того толстого напыщенного идиота?

Откинув голову, Глэдни заливисто расхохотался.

– Ловкость рук, моя дорогая, простая ловкость рук, – ответил он и, не вдаваясь в объяснения, вынул из кармана часы. – Однако скоро начнутся скачки. Пойдемте, я хочу поставить на Пэдди Боя свой выигрыш. А затем мы с вами найдем какое-нибудь хорошее местечко у финишной прямой, откуда лучше будет видно.

– О господи! Скачки! – Ребекка испуганно прижала ладонь ко рту. – Чуть не забыла! Я должна идти.

– Идти? Куда идти? – удивился Глэдни. – Разве вы не будете смотреть вместе со мной скачки?

– Нет, – взволнованно ответила Ребекка. – Я должна подготовить наездника к состязаниям.

– Подготовить наездника? Как это? – Глэдни изумленно уставился на Ребекку. – Он что, сам не может подготовиться? Неужели он настолько беспомощный?

– Дедушка ведь говорил вам, что он очень застенчив. Если перед скачками к нему подходит кто-то чужой, это настолько выбивает его из колеи, что он может и проиграть.

– Боже правый! Ну и наездник у вас! Никогда не думал, что такие нежные бывают. Что ж, вы его наняли, и это ваше дело. Только передайте ему от меня, чтобы старался, потому что я собираюсь поставить на Пэдди Боя все свои деньги.

– Глэдни, пожалуйста, не делайте этого! – взмолилась Ребекка. – Я не хочу оказаться виноватой, если Пэдди Бой проиграет и вы все потеряете.

Но Глэдни лишь отмахнулся:

– Не беспокойтесь за Хэллорана, Ребекка. Я не раз терял свои денежки и, думаю, еще не раз потеряю. Но ведь когда рискуешь, жить гораздо веселее. Чувствуешь, что жизнь – отличная штука, верно? А сейчас идите к своему наезднику, и если потом сможете присоединиться ко мне, чтобы посмотреть скачки, – прекрасно. А если нет, тогда, может, после состязаний отпразднуем победу Пэдди Боя?

Ребекка повернулась, чтобы уйти, но, вспомнив еще кое о чем, остановилась.

– Скажите-ка мне еще вот что, Глэдни. Вы ведь не всегда говорите с ирландским акцентом. Как это у вас получается?

– Это меня и самого беспокоит, дорогая, – совершенно серьезно ответил Глэдни. – То он есть, то его нету. Сам не пойму, как это получается.

Когда Глэдни с Ребеккой разошлись в разные стороны, каждый по своим делам, в противоположном конце ярмарки Оскар Сталл встретился со своим новым наездником Редом Паркером. Это был крохотный человечек с близко посаженными глазками-бусинками, злобным взглядом, ярко-рыжими взъерошенными волосами, крючковатым, словно ястребиный клюв, носом и тонким, почти беззубым ртом. Он постоянно злился на весь белый свет за свой неказистый рост, и эта злость составляла отличительную черту его характера.

– Помни, – внушал ему Сталл, – нужно обязательно столкнуться с двуколкой, иначе колесо может не отлететь. Ты должен подъехать к двуколке Хокинса как можно ближе, но самому при этом удержаться. Справишься?

– А как же, мистер. Сталл, – нахально заявил Паркер и углубился в созерцание своих ногтей, словно задача, которую поставил перед ним Сталл, была не бог весть какая сложная.

– Смотри у меня! – рявкнул Сталл. – Не справишься – я тебя в порошок сотру! Я не потерплю, чтобы Хокинс опять взял надо мной верх!

Паркер улыбнулся, и улыбка эта не только не смягчила его лица, а, наоборот, сделала его еще более злобным.

– Не волнуйтесь, мистер Сталл. Вот увидите, его наездник будет сидеть в пыли на своей заднице и думать только о том, как бы не попасть под колеса прочих двуколок. Будем надеяться, что шкура у него толстая, да и башка крепкая, а то ведь если лошадь ненароком ударит по ней копытом, она и расколется может как орех!

Глава 4

Прямо напротив места проведения конных состязаний располагался отель, ставший известным еще во времена гражданской войны, когда в нем размещался штаб армии генерала Гранта. Теперь, когда Грант был президентом Соединенных Штатов, отель обрел бешеную популярность. Здесь постоянно толпился народ, а в последние три дня вообще было не протолкнуться: в городе полным ходом шла ярмарка с неперенным ее атрибутом – конными состязаниями, и большинство жокеев, тренеров и владельцев лошадей остановились именно здесь.

Было одиннадцать часов утра, и в вестибюле уже собралась огромная толпа. Шум вокруг стоял такой, что разговаривать, не повышая голоса, было невозможно. Чтобы тебя услышали, приходилось кричать во все горло, что все и делали, отчего создавалось впечатление, будто находишься в сумасшедшем доме. Небрежно размахивая стаканами с выпивкой, сигарами и даже пачками денег, мужчины пытались протиснуться к окошку, чтобы успеть сделать ставку на приглянувшуюся им лошадь. Все торопились: состязания должны были вот-вот начаться. Женщины тоже были захвачены всеобщим волнением и орали не меньше мужчин, и время от времени то тут, то там слышался их визгливый смех.

Лишь жокеи вели себя спокойно. Они уже успели облачиться в свои яркие камзолы и теперь выделялись среди серой толпы, как пестрые цветы среди капусты. Как повелось еще со времен проведения первых состязаний в Древнем Риме, все спортсмены перед стартом сосредоточивались, готовясь к предстоящим испытаниям.

Но не все участники предстоящих соревнований толпились в вестибюле. Некоторые, например, наездник Хокинса, все еще переодевались. Камзол Ребекки, ярко-красного цвета, пока лежал на кровати, а сама она сидела в брюках на ее краешке и натягивала высокие, великолепно начищенные сапоги. Покончив с этим, девушка подошла к зеркалу и, улыбаясь, взглянула на свое отражение.

– Интересно, что будет, если я вдруг выйду на скаковую дорожку в таком виде? – задумчиво сказала она и хихикнула. – Наверняка произведу большой фурор, чем если выиграю скачку. Нужно будет приберечь эту мысль для Кентуккийского дерби!

Ребекка расхохоталась, и груди ее затряслись, что рассмешило ее еще больше.

На туалетном столике перед Ребеккой лежала длинная полоска ткани, которой девушка перетягивала грудь. Ей приходилось скрывать свою принадлежность к женскому полу, поскольку во всех правилах и постановлениях, касавшихся конных соревнований, существовал специальный пункт, согласно которому участниками могли быть только мужчины. Если бы открылось, что она – женщина, Ребекку тотчас бы дисквалифицировали. Конечно, они с дедушкой могли нанять жокея, но это потребовало бы дополнительных затрат. А стараясь приблизить миг приобретения вожаемой фермы по разведению чистокровных рысаков, они привыкли на всем экономить.

Когда Хокинс с Ребеккой только собирались участвовать в скачках, Ребекка уговорила деда разрешить ей самой править двуколкой. Он согласился, однако весьма неохотно и лишь до тех пор, пока они не смогут позволить себе нанять специального человека. Время от времени Хок все еще грозился нанять жокея, но Ребекка знала – он никогда на это не пойдет, по крайней мере до тех пор, пока их не разоблачат. Лучше, чем она, им все равно никого не найти, и даже дедушка вынужден был это признать.

И все-таки Ребекка считала ужасно несправедливым то, что она должна переодеваться мужчиной. В то время как другие наслаждались плодами своих заслуженных побед, она не могла проявлять в полной мере чувства радости и торжества, когда Пэдди Бой побеждал на скачках. Особенно несправедливым это казалось Ребекке сейчас, когда она познакомилась с

Глэдни Хэллораном и Стивеном Лайтфутот. Почему она должна скрывать от них, что наездник Хокинса – она сама?

Ребекка озадаченно нахмурилась. Отчего это ей в голову пришла такая мысль? Ведь она думала о скачках и о предстоящей покупке фермы, так при чем тут Глэдни и Стивен? Не было никаких причин о них вспоминать. И все-таки она о них вспомнила.

Ребекка вспыхнула от стыда. Нужно немедленно выбросить эти дурацкие мысли из головы!

Но как девушка ни старалась, ничего не получалось. Более того, при воспоминании о недавно возникших в ее жизни молодых людях, которые оба пришлись ей по душе, она ощутила странное волнение. Что же с ней такое происходит? Ребекка вспомнила о том, как целовал ее вчера на палубе Глэдни, и непонятное чувство овладело ею еще сильнее.

Ребекка принялась пристально разглядывать в зеркале свое отражение, и взгляд ее остановился на груди. Эти два бугорка, еще совсем недавно казавшиеся девушке досадной помехой и вызывавшие лишь раздражение, сейчас предстали перед ней в совершенно ином свете. Теперь она видела в них символ женственности.

Ребекка знала, что мужчинам нравится смотреть на женскую грудь: она не раз наблюдала подобные взгляды. А интересно, нравится ли им трогать и ласкать ее? И если да, то какие чувства они при этом испытывают? И какие чувства будет испытывать она, если ее грудь станет ласкать какой-то мужчина?

Ребекка легонько, нерешительно коснулась груди, ощущая себя при этом несколько неловко. Ее вдруг словно обдало жаром. Странно, очень странно! Ребекке не раз приходилось дотрагиваться до своей груди, и никогда еще при этом она не испытывала подобных ощущений. Впрочем, может быть, потому, что она никогда прежде не делала этого специально, чтобы посмотреть, что из этого получится.

Ребекка прошла пальцем по бледному, вздымающемуся холмику и заметила, что сосок затвердел и стал напоминать упругий розовый бутон. Ребекка осторожно погладила его, и ее снова обдало горячей волной. Как странно и немного страшновато! Интересно, если бы Глэдни прошлой ночью, когда целовал ее, стал ласкать ее соски, как бы она себя почувствовала? А если бы Стивен до них дотронулся во время поцелуя? Знать бы еще, хочет он ее поцеловать или нет...

О господи! Да о чем она только думает! Ребекка на секунду зажмурилась и быстро схватила лежащую на туалетном столике полоску ткани. Что это на нее нашло? Что с ней вообще такое происходит? Почему ее вдруг стали посещать такие ужасные мысли? Ведь вот-вот начнутся соревнования, а она воображает себе черт знает что!

И Ребекка принялась старательно утягивать себе грудь, пока наконец верхняя часть туловища от плеч до талии не стала совершенно ровной. Потрудилась девушка на славу: теперь груди не было заметно даже сбоку. Но на сей раз, выполняя уже ставшую привычной процедуру, Ребекка все время чувствовала ноющую боль в груди, словно эта нежная часть тела молила выпустить ее на свободу.

А в это время в комнате, расположенной совсем недалеко от Ребекки, незнакомая ей женщина воплощала в жизнь ее грезы. Женщину эту звали Стелла – именно так она представилась Стивену Лайтфуту. Она была невысокого роста, с черными волосами и точеной фигуркой и издали поразительно напоминала Ребекку Хокинс. Именно поэтому Стивен ее заметил и не мешкая пригласил к себе. Стелла призналась ему, что приехала на ярмарку специально для того, чтобы обслуживать богатых клиентов, тех, что были не прочь поразвлечься. Она назвала цену, и Стивен, не колеблясь, согласился. И вот теперь они лежали в его комнате обнаженные, и Стивен легонько проводил пальцами по телу женщины, по ее шелковистой коже. Сначала по высокой груди, потом по упругому животу.

– М-м-м... Как приятно, – пробормотала Стелла, глядя Стивену прямо в глаза.

– Закрой их.

– Что закрыть? – не поняла Стелла.

– Глаза.

– А почему?

– Потому что у тебя потрясающие ресницы, и мне хочется на них полюбоваться.

У Стеллы и в самом деле были красивые ресницы, но дело было вовсе не в этом. Просто в отличие от Ребекки Хокинс, обладательницы глаз необыкновенного золотистого цвета, у Стеллы глаза были голубые, что нарушало ее сходство с Ребеккой.

Притянув голову Стивена, Стелла впиалась ему в губы долгим, страстным поцелуем. Одна рука Стивена лежала у нее на крутом изгибе талии, другой он нежно накрыл ее грудь и начал ласкать упругий сосок.

Стелла затрепетала.

– О господи! – едва выдохнула она, когда закончился поцелуй. – Какое счастье, что не все мужчины ласкают меня так, как это делаешь ты.

– Почему? – удивился Стивен, посчитав это замечание довольно странным.

– Потому что если бы они были похожи на тебя, я занималась бы любовью бесплатно и наверняка умерла бы с голоду.

Стивен невольно рассмеялся. Он снова поцеловал женщину и стал нежно и умело ласкать ее, чувствуя, как постепенно его охватывает желание. Стелла смело и жадно отвечала на его ласки. Она хотела Стивена не меньше, чем он ее.

Или она и в самом деле настолько возбудилась, или потрясающе хорошо играет, подумал Стивен. Со шлюхами ему нечасто приходилось иметь дело, так что сравнивать было особо не с кем. Однако Стивен был уверен, что Стелла не притворяется: она и в самом деле возбуждена до крайности.

– Да, да... – хрипло шептала она. – Быстрее... Ну же... Я хочу тебя...

Повинуясь, Стивен осторожно вошел в нее, однако Стелла жаждала более грубых ласк. Застонав, она подалась Стивену навстречу и, прильнув губами к его шее, принялась исступленно гладить его по спине. Стивен зарылся лицом в ее волосы, ощущая, как Стелла с явным наслаждением отвечает на каждое его движение. Когда ее тело затрепетало, Стивен почувствовал, что не может больше сдерживаться, и, содрогнувшись, глухо застонал.

Но даже в момент наивысшего наслаждения мысли его были о Ребекке Хокинс.

Посмотреть на состязания лошадей, запряженных в двуколки, собралась огромная толпа. Подобные соревнования проводились уже три раза, но сегодняшние разительно отличались от предыдущих. Назывались они «Скачки чемпионов», о чем было объявлено в афише, и участие в них принимали только те, кто уже выиграл по крайней мере один раз. В результате набралось семь участников. Ребекке с Пэдди Боем был присвоен четвертый номер, так что они оказались в середине – по три участника с одной и с другой стороны. Ребекка застыла в напряженном ожидании, готовая, как только прозвучит щелчок хлыста, возвещающий начало скачек, рвануться вперед. Волосы ее были надежно спрятаны под жокейской шапочкой, грудь туго перетянута. Одета она была в брюки и ярко-красный камзол. Никто из мужчин, включая тех, что находились рядом с Ребеккой, не догадывался, что она женщина.

Ребекка знала, что перед состязаниями и во время них вероятность быть разоблаченной чрезвычайно мала. Жокеям в это время не до того, чтобы озираться по сторонам да прикидывать, какого пола их соседи. Каждый из них думает лишь о том, как бы получше пройти дистанцию. Именно способность отрешиться от всех иных проблем и сосредоточиться на предстоящих скачках – отличительная черта хорошего спортсмена. Беспokoиться о том, что ее могут опознать, стоило только после скачек.

Лошадь под номером два неожиданно рванулась вперед, и всем пришлось ждать, пока смущенный жокей снова поставит ее на место.

– Ну что, готовы, джентльмены? – закричал стартер. – Давайте попробуем взять чистый старт.

Все семеро согласно кивнули.

Прозвучал щелчок хлыста, напоминающий пистолетный выстрел, и семеро лошадей почти одновременно ринулись вперед.

Лошадь под номером два сразу же стала лидировать, и Ребекка попыталась направить Пэдди Боя в образовавшееся за ней пустое место, но мешала лошадь под номером три, которая шла с Пэдди Боем бок о бок. Внезапно Ребекка оказалась почти притерта к ней. Вперед она никак не могла вырваться: мешал лидер, а тот, что шел сзади, почти наступал на пятки. Так что Ребекка оказалась зажата между двумя двуколками: идущей впереди и позади. Это положение, помимо неудобств, не сулило никаких надежд на победу.

Вдруг Ребекка заметила, что жокей, находящийся справа, оказался слишком близко, того и гляди с ней столкнется. Приглядевшись, она увидела желто-черный полосатый камзол. Значит, это новый жокей Оскара Сталла – некрасивый мужчина маленького роста с крючковатым носом и ярко-рыжими волосами, выбивавшимися из-под жокейской шапочки. Он злорадно ухмылялся, глядя на Ребекку.

– Мы сейчас столкнемся! – крикнула ему Ребекка.

Не переставая ухмыляться, коротышка подъехал к ней еще ближе. Колеса двуколки слегка соприкоснулись.

Да ведь он нарочно это делает! Наверняка нарочно!

В ту же секунду послышался удар, правда, довольно легкий, за ним еще один, уже сильнее.

И тут произошло то, чего, собственно, и добивался коротышка. Не выдержав последнего удара, ось на колесе двуколки Ребекки треснула. Услышав громкий треск, Ребекка ошарашено глянула вниз, и у нее от страха перехватило дыхание: правое колесо двуколки отлетело, а сама повозка угрожающе накренилась набок.

Увидев, что произошло, толпа громко ахнула, женщины пронзительно закричали. Двуколка накренилась еще сильнее. Правый бок ее уже скреб по земле, взметая облако пыли. Не удержавшись на сиденье, Ребекка свалилась прямо под ноги мчавшимся следом за ней лошадям.

При падении Ребекка не пострадала, но она понимала, какая страшная опасность ей грозит: лошади могли затоптать ее насмерть. Испуганно ахнув, девушка вжалась в землю. Лошадиные копыта просвистели в нескольких дюймах от ее головы, и двуколка промчалась мимо, не задев ее.

Это заняло всего несколько секунд, хотя Ребекке показалось, что прошла целая вечность.

Несколько человек уже бежали на помощь, и Ребекка поспешно потрогала шапочку, на месте ли она, не выбилась ли из-под нее прядь волос. Вроде все было нормально. Ребекка села, чувствуя, как все внутри дрожит. Слава богу, она осталась жива и, кажется, даже совсем не пострадала.

– Ну как ты, парень? – взволнованно спросил мужчина, подбежавший первым.

– Я в полном порядке, – ответила Ребекка. Поднявшись, она взглянула в сторону финиша. Лошадь Сталла, обогнав всех остальных на целый корпус, стремительно приближалась к финишному столбу. Пэдди Бой тем не менее не сдавался: он упрямо скакал вперед, волоча за собой искореженную двуколку. Ребекка, моля Бога, чтобы бедная лошадь не ушибла себе ноги, помчалась прямо по покрытому зеленой травой полю к финишу.

– Может, позвать тебе врача? – крикнул ей вслед один из служащих.

– Не нужно, спасибо. Со мной все в порядке, – отозвалась Ребекка на бегу, стараясь говорить басом.

Она подбежала как раз в тот момент, когда двуколка Сталла пересекла финишную линию. Наездник по-прежнему злорадно ухмылялся. Пэдди Бой, таща за собой изуродованную двуколку, финишировал последним.

Ребекка бросилась к нему.

– Пэдди Бой, мальчик мой хороший! Какой ты у меня умница! Ты так старался! Не ушибся? – взволнованно приговаривала она. Страхи Ребекки были вполне обоснованными: пустая двуколка вполне могла разбить лошади ноги.

Поспешно наклонившись, Ребекка провела рукой по задним ногам Пэдди Боя. Вроде все в порядке. Крови не видно, да и лошадь давала себя трогать и не вздрагивала, когда Ребекка касалась ее ног. Девушка с облегчением вздохнула. Похоже, Пэдди Бой не пострадал.

А вот двуколке повезло меньше. Помимо того что отскочило колесо, ось, на которую оно крепилось, немилосердно погнуло. И выпрямить ее скорее всего будет невозможно. Значит, если они с дедом хотят продолжать участвовать в состязаниях, им придется покупать новую.

Ребекка тяжело вздохнула. Как, оказывается, капризна и переменчива госпожа удача! Еще вчера она была к Хокинсам более чем благосклонна, позволив выиграть на скачках, а уже сегодня вдруг повернулась к ним спиной. Они не только проиграли, но им придется потратить весь вчерашний выигрыш, чтобы купить новую двуколку. А это означает, что за все три дня состязаний они с дедушкой не выручили ни цента.

Ребекка отцепила искореженную повозку и оставила у финишного столба, попросив служащего потом убрать ее. Тут она заметила, что к ней, прихрамывая, направляется Хок. Помаханув ему рукой, Ребекка вскочила на спину Пэдди Боя и поскакала на конюшню. Там она почистила лошадь и лишь после этого отправилась в гостиницу. На душе ее скребли кошки.

К счастью, сама Ребекка практически не пострадала. Горячая ванна – и все будет в порядке, решила она. Правда, при более тщательном рассмотрении оказалось, что на бедре у нее красуется внушительных размеров синяк, а второй, чуть поменьше, – на правом плече, однако они особо не мешали. Похоже, ей очень повезло, что она упала не сразу, а лишь после того, как двуколка, накренившись, со всего размаху врезалась в землю. Кроме того, удалось удачно сгруппироваться, поэтому она не слишком пострадала от удара. Единственную реальную опасность представляли ехавшие следом за ней лошади, но и их копыта Ребекке удалось избежать.

«Невзирая на все старания моего противника», – угрюмо подумала она.

Около часа спустя Ребекка, искупавшись и переодевшись, вышла из отеля и отправилась на конюшню. Там дед оживленно беседовал с Глэдни и Стивеном. Ребекка немного удивилась, увидев молодых людей вместе, но, по-видимому, они оба пришли проведать Пэдди Боя и таким образом встретились.

– Наконец-то ты пришла, Бекки! – воскликнул Хок, испытующе глядя на нее. – Я уже стал немного волноваться, девочка, куда это ты запропастилась.

– Не волнуйся, дедушка, – ответила Ребекка. – Никуда я не делась. Просто ходила к нашему наезднику взглянуть, все ли с ним в порядке. А ты уже осмотрел Пэдди Боя? Как он?

– Отлично, – сказал Хок. – Глэдни и мистер Лайтфут тоже о нем беспокоились и были так добры, что заглянули на конюшню его проведать.

– Как мило с вашей стороны! – улыбнулась Ребекка, взглянув на Глэдни и Стивена.

– А как ваш наездник? – поинтересовался Стивен. – Кажется, при падении ему здорово досталось, но я не успел подойти к нему и справиться о его самочувствии – он слишком быстро ушел.

– С ним все в порядке, – ответила Ребекка. – Просто ему нужно немного отдохнуть. К следующим состязаниям он уже придет в норму. – Ребекка искоса взглянула на Глэдни. – Надеюсь, вы не поставили все свои деньги на Пэдди Боя?

– Конечно, поставил, – весело отозвался тот.

– Значит, вы все проиграли! – в испуге воскликнула Ребекка. – Мне так жаль...
Глэдни беззаботно пожал плечами, и его голубые глаза озорно блеснули.

– Это все равно были не мои деньги. Мне их на денек одолжил Пэди Бой. Верно, дружище? – обратился он к лошади.

– Глэд уже не в первый раз проигрывается на скачках, – сухо заметил Стивен. – И, уверен, не в последний.

– О! Так вы знакомы друг с другом? – удивилась Ребекка.

– А как же! – ухмыльнулся Глэдни.

Ребекка была слегка разочарована этим обстоятельством, хотя сама не понимала почему.

– Значит, вы друзья?

– Можно и так выразиться, – ответил Глэдни. – Скажем, я предпочитаю общество Стивена обществу большинства из тех людей, с которыми знаком. Но когда дело доходит до того, чтобы заявить на что-то свои права, тут уж дружба побоку, как, например, сейчас.

– О каких это правах вы говорите? – озадаченно спросила Ребекка.

Запрокинув голову, Стивен расхохотался.

– Глэд, дружище, думаю, эта юная леди не понимает, что ты имеешь в виду.

– Зато я хорошо понимаю, приятель, не сомневайся, – ухмыльнулся Глэдни. – И она со временем поймет.

Только сейчас Ребекка догадалась, что эти два развеселых приятеля имеют в виду, и вспыхнула. Да кто позволил этому Глэдни Хэллорану делать подобные заявления! Ребекка уже открыла было рот, чтобы высказать все, что она о нем думает, как раздался голос Хока:

– Кажется, мы не одни.

Ребекка, Глэдни и Стивен повернули головы в ту сторону, куда указывал Хок: к ним направлялся Оскар Сталл со своим телохранителем.

– Что этим мерзавцам здесь понадобилось? – сердито воскликнула Ребекка – Ведь это его наездник специально толкнул нашего!

Сталл подошел уже достаточно близко и услышал последние слова девушки.

– Мне очень жаль, что ваша двуколка получила такое ужасное повреждение, – вкрадчиво проговорил он. – Надеюсь, ваш наездник не пострадал?

– С ним все отлично, мистер Сталл, – отрезала Ребекка. – Так что ваши усилия пропали даром. Ведь ваш наездник так старался, чтобы колесо отлетело! Я в этом уверена!

– Вы говорите, что это мой наездник виноват? – удивился Сталл и улыбнулся с оттенком превосходства. – Моя дорогая юная леди, похоже, вы склонны выдвигать ложные обвинения. Вчера вы говорили, что у меня в руках было оружие, сегодня – что мой наездник виноват в несчастье с вашей двуколкой.

– На сей раз я не ошибаюсь.

– И вы можете это доказать? – с вызовом поинтересовался Сталл.

– Нет. Откуда мне взять доказательства? Но я видела, как это случилось!

– Это еще ничего не значит. Все произошло случайно.

– Что вам здесь нужно, Сталл? – раздраженно спросил Хок.

– Я просто зашел сюда проверить одну мою теорию, – ответил Сталл.

– Теорию? Какую еще теорию?

– Я считаю, что люди больше любят выигрывать, чем проигрывать. Вы только что проиграли скачку, мистер Хокинс. Скажите-ка мне, как вы себя при этом чувствуете?

– Нормально! – рявкнул Хок.

– Да ну? Неужели нормально? А может, все-таки расстроены тем, что проиграли?

– Я никогда не расстраиваюсь, когда проигрываю, если это происходит в честном бою, – сказал Хок. – И я бы никогда не опустил до того, чтобы ради победы изобретать всевозмож-

ные коварные уловки вроде той, что придумали вы. Это ж надо! Толкнуть двуколку соперника с такой силой, чтобы у нее отлетело колесо!

– Похоже, ваша внучка заразила вас своими подозрениями. – Сталл презрительно усмехнулся. – Если вы считаете, что столкновение произошло намеренно, докажите это. И потом, мистер Хокинс, не думаете ли вы, что когда двуколки сталкиваются, пострадать могут оба наездника? Ведь нельзя же заранее знать, что колесо непременно отвалится у вашей двуколки? То же самое могло произойти и с моей. Вы согласны?

– Пожалуй, вы правы, Сталл, – вздохнув, ответил Хок.

– Что касается вашего вопроса, сэр, – внезапно вмешался в разговор Стивен, и все присутствующие с изумлением воззрились на него, – как человек себя чувствует, когда проигрывает. Полагаю, вы сами сможете ответить на него после скачек чистокровных рысаков, которые состоятся сегодня в полдень. Я собираюсь принять в них участие со своим конем Брайтом Моном и твердо намереваюсь выиграть. Поскольку вы тоже, насколько мне известно, выставяете на этих скачках свою лошадь, это означает, что вы проигрываете. Вот тогда мы и посмотрим, мистер Сталл, как вы будете себя чувствовать.

Видно было, что от такого смелого заявления Сталл несколько оторопел.

– А кто, черт подери, вы вообще такой? – спросил он.

– Меня зовут Стивен Лайтфут.

– Ах вот вы кто! Мне приходилось о вас слышать. Полукровка-индеец, возомнивший себя джентльменом, – презрительно бросил Сталл.

Сжав кулаки, Стивен шагнул к обидчику, однако Глэдни успел схватить его за рукав.

– Спокойней, приятель, спокойней! – И, повернувшись к Сталлу, холодно произнес: – Кстати, о джентльменах. Джентльмен всегда понимает, когда его присутствие нежелательно. Я предлагаю вам удалиться.

– Хорошенькая компания тут собралась! Ярмарочный жулик и полукровка-индеец! – несколько принужденно хмыкнул Сталл. – Тоже мне, любители скачек! Да никто из вас не отличит чистокровного рысака от осла!

Страхнув руку Глэдни, Стивен спокойно заявил:

– Ответ на это вы получите сегодня на скаковой дорожке. Моя лошадь непременно обгонит вашу!

Сталл побагровел. На висках у него вздулись вены. В глазах вспыхнул яростный огонь. Все это продолжалось несколько секунд. Наконец Сталлу удалось невероятным усилием взять себя в руки.

– А это мы еще посмотрим, – сдавленным голосом произнес он. – Между прочим, как вы, должно быть, уже слышали, я назначил награду за любую информацию, которая могла бы помочь поймать убийцу Тимми Берда. Если вы слышали хоть что-то, что может помочь полиции в поимке преступника, прошу вас тотчас же сообщить мне. А пока желаю вам всего хорошего.

И Сталл, щелкнув каблуками, слегка поклонился и, коротко кивнув мистеру Мерси, вышел. Мистер Мерси серой тенью проследовал за ним.

– До чего же неприятный джентльмен, – сдержанно заметил Хок.

– Этот неприятный джентльмен – никакой не джентльмен, – возразил Глэдни.

– Кстати, Глэдни, вы и в самом деле поставили сегодня все ваши деньги на Пэдди Боя? – спросил Хокинс.

– К сожалению, да, – ответил Глэдни, пожав плечами. – Я пошел против собственного правила и жестоко за это поплатился.

– А что это за правило? – поинтересовался Генри.

– Не жадничать. Я зарабатываю себе на жизнь именно за счет этого людского качества. Сегодня я был совершенно уверен, что Пэдди Бой выиграет, и потому все на него поставил. Решил, что получу целую кучу денег.

– И получил бы, если бы эту двуколку не попортили, – слышался голос Стивена. Он сидел на корточках перед изуродованной повозкой, которую уже успели затащить на конюшню.

– О чем это вы говорите? – спросил Хок.

– О том, что над осью кто-то хорошенько поработал.

– Не может этого быть! – порывисто воскликнул Хокинс. – Здесь вы ошибаетесь. Поверьте, первое, что я сделал, – это тщательно осмотрел ее. Если бы ее подпилили пилой или ножовкой, место перелома было бы гладким. – Он подошел к колесу и ткнул в него пальцем. – Как видите, этого нет.

– Я не сказал, что ось подпилили, – возразил Стивен. – Я просто сказал, что над ней поработали. Ее полили кислотой.

– Кислотой? – изумился Хок. – Откуда вы это взяли? Заинтересовавшись, Ребекка с Глэдни подошли поближе и взглянули на сломанную ось.

– Видите, металл вот здесь и здесь потемнел и немного расплавился? – Стивен ткнул пальцем в колесо. – На него плеснули серной кислотой. Именно поэтому колесо и треснуло, словно сухое дерево, когда о него стукнулось колесо другой двуколки.

– Так, значит, я была права! – воскликнула Ребекка. – Жокей Сталла сделал это специально.

– Да, вы правы, Ребекка. Он знал, что для того, чтобы колесо отвалилось, хватит одного легкого удара.

– И тем не менее у нас нет никаких доказательств, что за всем этим стоит Сталл, – мрачно изрек Хок. – Мы все знаем, что он в этом замешан, но ничего не можем доказать.

Глэдни опустил на корточки рядом со Стивеном.

– Стивен, дружище, – сказал он, слегка улыбувшись. – Сдается мне, что этот господин с лысой башкой не очень любит проигрывать. На твоём месте я бы сегодня во время скачек был осторожен.

– Не беспокойся, я буду осторожен, – решительно заявил Стивен. – Уж будь уверен!

Глэдни встал и лениво потянулся:

– Все эти размышления на голодный желудок плохо на меня действуют. Предлагаю нам всем куда-нибудь сходить перекусить. Я плачу.

– Нет, Глэдни, – поспешно возразил Хок. – Плачу я. Ведь вы нас вчера угощали. Кроме того, вы все проиграли.

– Какое это имеет значение! – ухмыльнулся Глэдни. – В отеле же об этом не знают. Запишу стоимость ужина на свой счет, и дело с концом. Вы, Хок, сейчас тоже окажетесь на мели. Вам ведь придется покупать новую двуколку.

– Ничего, как-нибудь выкрутимся. Я настаиваю на том, что сегодня мы вас угощаем. Правда, Бекки?

Но Ребекка все еще сердилась на Глэдни за то, что он посмел заявить на нее права, а потому лишь пожала плечами.

– Впрочем, – смущенно начал Хок, – может, зря мы с Бекки так настойчиво навязываем вам свое общество. У вас наверняка найдутся более интересные дела, чем проводить время в компании старика и девчонки.

– Ну что вы, мистер Хокинс! Что может быть лучше для горячего молодого ирландского парня, чем провести время в компании таких милых людей, как вы и эта очаровательная малышка? – проворковал он с ирландским акцентом.

– Вы что, издеваетесь над нами? – рассердилась Ребекка.

– Нет, мисс Хокинс, – ответил Глэдни уже без всякого акцента. – Вы и ваш дедушка – на самом деле замечательные люди, а я на самом деле ирландец. Не знаю, поверите вы мне или нет, но мне пришлось немало потрудиться над тем, чтобы избавиться от ирландского акцента. Раньше я совсем не мог говорить по-английски, да и сейчас еще акцент нет-нет да и дает о себе знать. Я вовсе не хотел вас обидеть, поверьте. Надеюсь, вы и не обиделись?

– Да в общем нет, – пробормотала Ребекка, обезоруженная его искренностью.

– Только давайте договоримся так, Хок. Сейчас вы за меня платите, а как только у меня появятся деньги, я тотчас же возвращу вам долг.

– Там видно будет, – ответил Хок.

– А вы, мистер Лайтфут, составите нам компанию? – спросила Ребекка.

– К сожалению, нет, – ответил Стивен. – Я сегодня участвую в скачках, и до их начала мне еще предстоит о многом позаботиться.

– Жаль, дружище. – Глэдни сделал кислую мину. – Не сомневаюсь, твое присутствие внесло бы некоторое своеобразие в наше застолье. – Он хмыкнул. – Но я приложу все усилия к тому, чтобы мисс Хокинс поскорее перестала горевать об этой потере. Можешь в этом не сомневаться. – И Глэдни предложил Ребекке руку.

Однако Ребекка демонстративно подошла к дедушке и взяла под руку его. Стивен улыбнулся. Ребекку смущало то, что Глэдни со Стивеном так откровенно подтрунивают друг над другом и причиной их шуточного противоборства является она. Было совершенно ясно, что каждый пытается обратить на себя ее внимание. Оставалось лишь притворяться наивной девочкой, которая ничего не замечает или, во всяком случае, не понимает сути происходящего. На самом же деле Ребекка отлично все понимала, и ей было приятно, что она пользуется таким успехом у мужчин.

В ресторане отеля было многолюдно, как и во всех других подобных заведениях города, – ничего удивительного, ярмарочная пора. Ребекка даже засомневалась, сумеют ли они найти столик.

– Может, после скачек будет не так много народу? – задумчиво сказал Хок. – Давайте придем попозже.

– Подождите минутку, – проговорил Глэдни. – Посмотрим, может быть, я что-нибудь смогу сделать.

И, извинившись, он растворился в толпе. Через несколько минут он вернулся с метрдотелем, и тот провел их в угол ресторана, где раньше стояла пальма в горшке; теперь на ее место поставили столик.

– Надеюсь, вам и вашим друзьям здесь будет удобно, мистер Хэллоран, – произнес метрдотель.

– Конечно. Спасибо, – поблагодарил Глэдни.

Он быстренько раздобыл для Ребекки стул, официанты принесли еще два. Сам Глэдни сел поближе к Ребекке.

– Как вам удалось раздобыть для нас столик? – с любопытством спросила девушка.

– Это как в игре в скорлупки, – ответил Глэдни, заговорщически подмигнув. – Я ведь не могу выдавать все свои секреты, верно?

В этот момент официант подошел к их столику, неся на маленьком подносе конверт.

– Вы мистер Хокинс? – обратился он к Хоку.

– Да.

– Вам письмо.

Генри удивленно пожал плечами, взял письмо и стал совать официанту чаевые, однако тот решительно от них отказался. Распечатав конверт, Хок быстро пробежал глазами послание.

– Что там, дедушка? – поинтересовалась Ребекка.

– Распорядитель скачек просит меня зайти к нему по какому-то делу. Он сейчас как раз находится здесь, в отеле.

– Как это мило с его стороны! – воскликнула Ребекка. – Ты ведь пойдешь?

– Непременно, – решительно заявил Хок, и лицо его просияло. – Было бы невежливо не ответить на приглашение. Может быть, этот человек каким-то образом узнал, что Оскар Сталл виновен в случившемся с нашей двуколкой. Вы не возражаете, если я вас покину, молодые люди?

– Конечно, нет, дедушка, – ответила Ребекка.

– А вы, Глэдни?

– Мистер Хокинс, идите спокойно по своим делам, – безмятежно отозвался Глэдни. – А я сделаю все от меня зависящее, чтобы ваша внучка без вас не скучала.

Хок посмотрел на них и хитро улыбнулся:

– Я в этом ни капельки не сомневаюсь, Глэдни. Желаю вам приятно провести время.

Ребекка следила за дедом взглядом до тех пор, пока он не скрылся из виду. Она была вовсе не против остаться с Глэдни наедине. Ей хотелось побыть с ним. И хотя она не одобряла род занятий этого молодого человека, ей приятно было находиться в его обществе. Тем более что в многолюдном ресторане он вряд ли набросится на нее с поцелуями. А если ему вдруг придет в голову это сделать, она, без сомнения, сумеет его остановить.

В этот момент голос Глэдни прервал плавный ход ее мыслей.

– Куда вы с дедушкой направитесь, когда закончится ярмарка?

– В Падьюку, штат Кентукки. Через два дня там начнутся скачки.

– Какое интересное совпадение! – воскликнул Глэдни. – Я тоже через пару дней собираюсь в этот город.

– Правда? – удивилась Ребекка.

– Честное слово, – весело подтвердил Глэдни. – Если, конечно, вы не надумаете поехать куда-нибудь в другое место. Тогда я тоже туда отправлюсь.

– Что это вы такое говорите? Никак не пойму.

– Разве? – тихо спросил Глэдни и, потянувшись через стол, взял Ребекку за руку. – Что же тут непонятного? – И с пафосом продолжил: – Я не могу больше скрывать, что у меня к вам безудержное, безумное влечение. Я ослеплен вашей красотой, заворочен вашим обаянием. Я словно муха, попавшая в сплетенную вами паутину! Я теперь ваш навеки и отправлюсь вслед за вами хоть на край земли!

– Прекратите! Сейчас же прекратите свои ирландские штучки! – расхохоталась Ребекка. – На нас же все смотрят!

– Бекки, дорогая моя, неужели вы настолько невинны, что не понимаете, какую власть имеете над мужчинами? Они всегда на вас смотрят и всегда будут смотреть, – тихо и совершенно серьезно сказал Глэдни.

Он продолжал держать Ребекку за руку, и она ясно почувствовала, что шутки кончились. По телу ее вдруг разлилось благодатное тепло. Интересно, откуда берется дрожь в коленках, если он просто держит ее за руку? Этого Ребекка никак понять не могла.

– Хотите сделать заказ, сэр? – послышался за спиной у Ребекки голос официанта, и она испуганно вздрогнула. Пospешно выдернув свою руку, она потупилась и почувствовала, как краска смущения заливает ей лицо.

– Да, – кивнул Глэдни, откидываясь на спинку стула. – Принесите нам самое вкусное. Или, быть может, Ребекка, у вас есть какие-то пожелания?

– Нет-нет, – поспешно ответила она.

– Не вовремя он подошел, – заметил Глэдни, когда официант отправился выполнять заказ. – Мне было так приятно держать вас за руку!

– А вам не приходило в голову, что мне это могло не очень понравиться?

На лице Глэдни появилась знакомая усмешка.

– Конечно, нет, Ребекка. Если бы вам это не нравилось, зачем бы вы позволяли так долго держать вас за руку?

– Я просто не знала, как потактичнее освободиться, чтобы не смущать ни вас, ни себя, вот почему! – выпалила Ребекка.

– Вот как? В таком случае, по-вашему, официант подошел как раз вовремя, чтобы помочь вам сделать это? Я правильно вас понял?

– Да.

– Значит, если бы он не подошел, вы позволили бы мне держать вас за руку до конца вечера?

Ребекка так и ахнула. Нет, каков нахал!

– Я не желаю больше обсуждать эту тему, сэр! – возмущенно воскликнула она.

– Отлично. Тогда о чем же мы с вами будем говорить? – И Глэдни в задумчивости откинулся на спинку стула. – Может, о том, как мы вчера целовались? Мне было бы очень приятно обсудить эту тему. Кстати, вы сегодня об этом вспоминали?

– Конечно, нет! – отрезала Ребекка. – И если бы вы были джентльменом, то не стали бы затрагивать эту тему.

– А я никогда и не говорил, что я джентльмен, – спокойно заметил Глэдни. – Ни вам, ни кому бы то ни было. Ни один джентльмен не стал бы заниматься тем, чем я занимаюсь.

– Ваше занятие мне бы тоже не хотелось обсуждать, – процедила Ребекка сквозь зубы. – На вашем месте я бы даже упоминать о нем постыдилась.

– Если вы будете продолжать в том же духе, моя дорогая, у нас с вами вообще не найдется никаких тем для разговора.

– Ну почему же? Есть нормальные темы...

– Например?

– Мы могли бы поговорить о погоде, о том, какое время года кому нравится, о скачках...

– Или о том, как соблазнительно блестят сейчас ваши губки, – перебил девушку Глэдни, – о том, какой потрясающе мягкой темной волной ниспадают на плечи ваши волосы, о том, как очаровательны ваши черные брови, о том, какие восхитительные у вас глаза, против которых никто не устоит.

Ребекка почувствовала, как краска заливает ей лицо. Еще ни один мужчина не говорил ей подобного! Слова Глэдни произвели на нее необыкновенное впечатление. У Ребекки неожиданно закружилась голова, как вчера вечером на палубе, когда молодой человек ее поцеловал. Но она понимала, что подобные вольности надо пресекать. Нельзя позволять Глэдни разговаривать с ней таким фривольным тоном! Это просто неприлично!

– Прошу вас, Глэдни, не говорите так, – прошептала она.

– Хорошо, – согласился он, глядя Ребекке прямо в глаза. Он так долго смотрел на нее, не отводя взгляда, что Ребекка смущенно заерзала на стуле.

– И не смотрите на меня так, пожалуйста!

Глэдни тихонько вздохнул:

– Что ж, если мне запрещается и разговаривать с вами, и смотреть на вас, тогда остается только одно.

– Что же?

– А вот что, – ласково сказал Глэдни и, прежде чем Ребекка успела понять, о чем он, наклонился через стол и прильнул к ее губам.

И так же, как вчера вечером, на палубе парохода, у Ребекки перехватило дыхание. Она забыла, где она, что с ней. Чувствовала лишь, что отвечает на поцелуй Глэдни со всей страстью, на которую только способна.

Однажды, когда Ребекка была маленькой, она упала с дерева. До сих пор она не могла забыть того странного, пугающего чувства, которое она тогда испытала. Она лежала на земле, не понимая, где она, что с ней произошло, не зная, сможет ли она снова дышать. Так вот, поцелуй Глэдни действовал на нее точно так же.

– Надеюсь, я не помешал? – послышался за спиной у Ребекки холодный мужской голос.

Вздрогнув от неожиданности, Ребекка вырвалась из объятий Глэдни и поспешно обернулась. О ужас! Перед ней стоял Стивен Лайтфут. Его смуглое лицо было мрачным, темные глаза гневно сверкали.

– Мистер Лайтфут! Как вы здесь оказались? – пролепетала Ребекка.

– А почему бы мне сюда не прийти? В конце концов, это общественное место, – заявил Стивен, меряя Глэдни ледяным взглядом. – Хотя после того, что я здесь увидел, я уже начинаю в этом сомневаться.

Только сейчас поняв, чем она занималась на людях, Ребекка ахнула и зажала рот рукой. Боже правый! Да она, должно быть, с ума сошла! Краска залила ей лицо, и оно стало под цвет камзола, который она надевала во время состязаний, – ярко-красным.

– Стивен? Что это тебе здесь понадобилось? – раздраженно поинтересовался Глэдни. – Я думал, ты готовишься к скачке. Должен заметить, ты выбрал не самое удачное время для того, чтобы заглянуть в ресторан.

– Я это понял, – ехидно отозвался Стивен. – Приношу свои извинения. Если вы еще не закончили, могу уйти и вернуться через несколько минут.

– А что, неплохая идея, – подхватил Глэдни.

– Нет! – воскликнула Ребекка. – Прекратите сейчас же, вы оба! Мне и так стыдно. Не нужно меня еще больше унижать.

– Извините, Ребекка. Вообще-то я пришел к вашему дедушке, – сказал Стивен и официальным тоном продолжил: – Распорядитель скачек знает, где можно купить по дешевке неплохую двуколку, и я подумал, что это может его заинтересовать.

– Наверняка заинтересует, только он... – Ребекка замолчала, нахмурившись. – Как странно! Он же сейчас сидит у этого самого человека!

– Согласен с вами, Ребекка. Это и в самом деле странно, – заметил Стивен, – поскольку я сам ушел от него не далее как двадцать минут назад.

Ребекка удивленно захлопала глазами.

– Я... я ничего не понимаю. Он прислал дедушке записку, приглашая его к себе, как только мы пришли в ресторан. Правда, Глэдни?

Глэдни, не отвечая, продолжал сосредоточенно смотреть на скатерть.

– Глэдни! – недоуменно воскликнула Ребекка.

– Кажется, я начинаю понимать, в чем дело, – мрачно изрек Стивен. – Скажите-ка мне, Ребекка, а кто принес эту записку? Официант?

– Да.

– А мистер Хэллоран имел возможность поговорить с ним до этого наедине?

– По-моему... да, – нерешительно промолвила Ребекка. – Да, он к нему подходил, когда хотел раздобыть нам столик.

– Что, все еще пользуешься этим старым трюком, Глэд?

– О чем это он говорит? – удивленно воскликнула Ребекка.

– Ни о чем, – поспешно сказал Глэдни. – Совершенно ни о чем, Ребекка. Просто он пытается испортить нам настроение.

– И все-таки что-то здесь происходит странное, – заметила Ребекка, – и я хочу знать, что именно.

– Вы пали жертвой одного из старых трюков Глэдни, Ребекка, – начал объяснять Стивен. – Он заплатил официанту, чтобы тот передал вашему дедушке записку: якобы распоря-

дитель скачек приглашает его на ужин. – Он весело рассмеялся. – Однажды Глэд даже послал отцу понравившейся ему девушки записку, в которой говорилось, что его вызывает сам президент Соединенных Штатов. Ваш дедушка, Ребекка, наверняка в эту минуту сидит где-нибудь в соседней комнате, – недоумевая, почему человек, который его пригласил, запаздывает. А тот скорее всего находится сейчас где-нибудь на ипподроме и ведасть не ведает о том, что мистер Хокинс его дожидается.

– Это правда, Глэдни? – гневно спросила Ребекка.

– Ребекка... – Глэдни покорно вздохнул. – Мне просто хотелось некоторое время побыть с вами наедине. – И он весьма умело соорудил скорбную мину. – Ведь от моей шалости никто не пострадал. Ни один человек. А Хоку скоро надоест ждать, и он вернется сюда.

Ребекка порывисто вскочила, но тут к столу подошел официант с подносом, на котором стояли две тарелки.

– Стивен, не могли бы вы увести меня отсюда? – обратилась Ребекка к Лайтфуту.

– С превеликим удовольствием.

– Вы уже уходите, мадам? – поинтересовался официант, ставя тарелки на стол.

– Да, – коротко ответила Ребекка.

– Но как же ваш ужин, мадам?

Ребекка взглянула на свою тарелку, на которой лежали ростбиф, пюре и горошек, обильно политые соусом и источавшие дивный аромат, и улыбнулась.

– Уверена, мистер Хэллоран о нем позаботится, – нежно проворковала она и, взяв тарелку, вылила ее содержимое Глэдни на голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.